

Искорка

1818★1968

ВЕЛИЧАЙШЕГО ГЕНИЯ СЛАВЬ,
ПОВЕРНУВШЕГО МИР ПО-ИНОМУ!
УЖ НЕ ПРИЗРАК ШАГАЕТ, А ЯВЬ
КОММУНИЗМА ПО ШАРУ ЗЕМНОМУ!

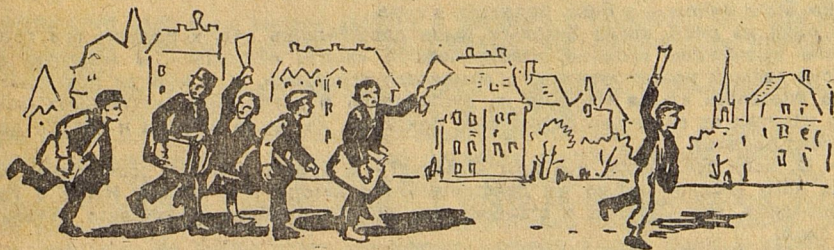

газета
«Ленинские
искры» —
орган
ленинградского
Обкома и
Горкома
ВЛКСМ
ленинградского
Совета
питерской
организации
имени
В. И. Ленина

А. ВИДГОП, Я. СУХОТИН

МАЙ • 1968
год издания XII

ПЕРВЫЕ КОММУНИСТЫ

ТЫ РОДИЛСЯ в стране, где нет разделения людей на белых и чёрных, бедных и богатых. Богатства страны принадлежат всему народу. Ты ещё совсем маленьким ходил в детский сад и говорил: «Наш садик». Подрос и пошёл в «нашу школу». Станешь взрослым и будешь работать на «нашем заводе», «нашей фабрике», в «нашем совхозе». Тебе даже кажется, что иначе и быть не может.

Но есть страны, где одни люди говорят: «мой завод», «моя земля», «мои дома», а другие только печально вздыхают: «у меня ничего нет».

Такая несправедливость давно возмущала лучших людей человечества. Ещё сотни лет назад стали они выступать против неравенства, против тех, кто богатеет за счёт других людей. Но эти философы только объясняли мир, указывая, что неравенство существует. И вот в прошлом веке немецкий философ Карл Маркс впервые сказал: мир надо не объяснять, а переделывать. И научно доказал, что пролетариат может и должен создать государство, в котором не будет угнетения человека человеком.

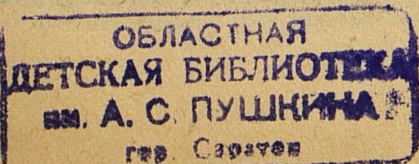
Спустя годы после смерти К. Маркса пролетарии России под руководством В. И. Ленина совершили революцию и создали государство рабочих и крестьян. Теперь таких государств, где у власти стоят трудящиеся, много — целый лагерь социалистических стран.

В НЕМЕЦКОМ городе Трире, где в многодетной семье адвоката Маркса 150 лет назад — 5 мая 1818 года — родился сын Карл, есть старинное здание гимназии. Сюда по одной из узких улиц несколько лет подряд шагал с приятелями юный Карл.

Тридцать два человека учились с ним в классе. Одни хотели стать судьями, другие — священниками. Оценивали блага, которые могли дать эти профессии. Шестнадцатилетний Карл в последний год своего пребывания в гимназии записал: «Истинное счастье в том, чтобы сделать счастливыми наибольшее число людей».

Рисунки В. Адаева

150 лет со
дня рождения
Карла Маркса

Одноклассники и приятели по университету любили его за весёлый, острый ум, начитанность. Недоброжелатели побаивались, — этот юноша умел отстаивать свою правоту и честь не только словом, но и с рапирой в руке.

Совсем молодым — ему исполнилось тогда двадцать четыре года — он стал главным редактором большой газеты в Германии.

Что делать редактору, если из сообщений своих корреспондентов он узнаёт, что власти притесняют бедняков в угоду богачам? Не вмешиваться? Нет, вступить за бедняков, потребовать справедливости! Хозяева газеты пригрозили Марксу увольнением. Но он отказался им подчиниться.

В ТЕ ЖЕ ГОДЫ в Германии жил и Фридрих Энгельс — сын текстильного фабриканта. ...Под стеклом на одном из стендов в Музее Маркса и Энгельса в Москве лежат листки. Каждый исписан двумя разными почерками. Один из них — Маркса, второй — его друга и соратника Фридриха Энгельса. Это рукописи книг, созданных ими совместно.

Мы привычно соединяем эти два имени. Иначе нельзя. Они и в жизни всегда и во всём были рядом — в боях, радостях, в горе.

В один из дней, когда Энгельсу было девятнадцать лет, в родном его городке Бармене произошло событие, взволновавшее «верхи общества». В книжную лавку поступил свежий номер журнала «Германский телеграф». И в нём за подписью Освальда оказалась статья «Письма из Вупперталя» о владельцах текстильных фабрик. Автор называл их гнусными фарисеями, описывал, до какой нищеты и голода довели они своих рабочих.

— О, если бы узнать, кто этот Освальд! — в ярости хрипели толстосумы, подзревая кого угодно, только не действительного автора этих писем. Им и в голову не приходило, что Освальд и старший сын достопочтенного фабриканта Энгельса — одно лицо.

Кем был Фридрих Энгельс для многих своих знакомых в Бармене и Париже, Лондоне и Манчестере? Очень способным приказчиком, коммерсантом, знающим в совершенстве четырнадцать языков.

Они знают его как обаятельного, общительного молодого человека, склонного к поэзии, лихого наездника, бесстрашного пловца, завязанного танцора...

И в то же время прогрессивно настроенные студенты, молодежь горячо обсуждают брошюры Освальда — Энгельса, в которых остроумно высмеиваются «учёные», защищающие королевскую власть и религию.

Фридрих уехал в Англию. «Практиковаться в коммерции под руководством моего компаньона» — так думает об этой поездке его отец. Но юноша в Англии занимается не только делами отца, он пытается проследить, как произошёл великий поворот, который привёл крестьян от земли в кабалу к хозяевам машин.

По пути из Англии на родину Ф. Энгельс заезжает в Париж, чтобы встретиться с Карлом Марксом. Марксу тогда было двадцать шесть лет, а Энгельсу — двадцать четыре года. Долго Энгельс беседует с Марксом о своих английских впечатлениях, о будущей книге, в которой он расскажет об ужасном положении английских рабочих. Энгельс рассказывает об Англии, волнуясь и переживая вновь события. Маркс не бесстрастный слушатель. Он видит Энгельса, идущего по трущобам Лондона и Манчестера, Бирмингама и Лидса. Немощённые, грязные улицы... Дома, битком набитые жильцами...

Всего десять дней Маркс и Энгельс провели вместе, но за это время они составили план будущей книги. Энгельс вчерне написал даже разделы, которые взял на себя. Закончено было предисловие. Этот первый общий труд вышел под названием «Святое семейство». Книга была направлена против тех философов, которые оправдывали несправедливость буржуазного строя.

С этой встречи в Париже началась их великая и трогательная дружба. Они вместе радуются, узнавая о том, что рабочие ещё одного города начинают бороться за свои права, предъявлять требования капиталистам.

Для борьбы за освобождение трудящихся Маркс вместе с Энгельсом создал Союз коммунистов. В разных странах Европы в этом Союзе было в то время всего лишь четыреста человек.

Маркс и Энгельс совместно написали «Манифест Коммунистической партии». Эта книжечка стоила целых томов. Она указала пролетариату путь к освобождению от цепей капитала. Уже первые слова этой книжечки заставляли гордо и радостно биться сердца пролетариев: «Призрак бродит по Европе — призрак коммунизма»; «Пора уже коммунистам перед всем миром открыто изложить свои взгляды, свои цели, свои стремления».

Впервые на весь мир было громогласно заявлено, что у рабочих есть один, и только один, путь к своему освобождению — революционная борьба против капитализма.

Революционные восстания вспыхивают в странах Европы. Маркс был всюду в самой гуще событий.

РЕВОЛЮЦИЯ 1848 года застала Маркса и Энгельса в Германии. Они оба ждали революции ещё тогда, когда вдвоём работали над «Манифестом Коммунистической партии».

— Экстренное сообщение! Читайте «Новую Рейнскую»! Революция в опасности! — кричали мальчишки-газетчики, носясь по всему Кёльну.

Эти крики ворвались в кабинет обер-прокурора, заставив его в ярости захлопнуть окно, доносились они и в помещение редакции «Новой Рейнской газеты» — первого печатного органа немецких коммунистов. Редактор газеты — Карл Маркс. Его ближайший помощник — Фридрих Энгельс. В газете, на митингах — всюду они призывали рабочих к революционной борьбе. Им пытались помешать издавать газету, лишили кредитов. Но Маркс отдал все деньги, которые у него были, и газета продолжала выходить.

Воинские части, размещённые в городе, были готовы по первому же приказу открыть огонь по рабочим, требовавшим свержения короля. Королевским чиновникам и офицерам-дворянам особенно ненавистны были редакторы «Новой Рейнской газеты», бесстрашно призывавшие народ к сопротивлению королевской власти.

Марксу присылали анонимные записки с угрозами, но он, скомкав их, швырял в корзину. К нему в дом врывались королевские офицеры, потрясая оружием. Он выгонял их. Устрашить его не могли ни угрозы, ни запугивания.

Пришло известие: подписан приказ об аресте Энгельса. Маркс настоял, чтобы Энгельс скрылся. Вынуждены были скрываться и остальные сотрудники газеты. Оставаясь на свободе, Маркс продолжал выпускать газету. Всё это время он почти не бывал дома: так много оказалось у него дел. Но Маркс никогда не забывал пересылать деньги скрывавшемуся от полиции Энгельсу.

Фабриканты и банкиры предали народ, революция была задушена. 19 мая 1849 года вышел напечатанный красной краской последний номер «Новой Рейнской газеты». Марксу вручили приказ о его немедленной высылке из Германии.

Маркс с семьёй направляется в Париж, где должны развернуться революционные события. Энгельс — на юг Германии, где народ с оружием в руках поднялся на угнетателей.

ВСКОЧИВ на коня, Энгельс поскакал по одной из просёлочных дорог туда, где вели последние бои повстанцы. Плечом к плечу с ними он бросается в атаку на прусских солдат, вырывается вперёд, стреляя на ходу. А когда кончаются патроны, пускает на ход ружье как дубину. В самой гуще врагов, окружённый ими, он сохраняет необычайное хладнокровие и проявляет пренебрежение ко всякой опасности. Но пруссаки теснят восставших, и те вынуждены отступить через швейцарскую границу. Энгельс с товарищами, прикрывающими отступление, переходит границу последним. Из Швейцарии Энгельс едет в Лондон, куда к тому времени переезжает и Маркс.

* * *

...По лондонскому скверу медленно шёл человек. Одет он был, как обычно в то время одевались небогатые лондонцы — в сюртук и узкие брюки из недорогой ткани.

— Меняем ножик!

Перед ним стоял мальчуган лет десяти. Человек улыбнулся. Видимо, он хорошо знал правила игры, потому что сразу полез в карман, вытащил перочинный нож и раскрыл два лезвия. Мальчик протянул свой ножик, в нём оказалось всего одно лезвие. Выдернув волос из головы, он рассек его ножиком. Глядя, как безуспешно старается человек рассечь своим ножом волос, мальчуган фыркнул:

— Да вы его, наверное, тысячу лет не точили! Но всё равно, меняю.

Заложив руки за спину, человек пошёл дальше по аллее парка, унося нож с «самым острым в Лондоне лезвием».

Мальчик поднёс к носу приятеля свой трофей:

— Видел! Выменял у «красного доктора».

Так называли Маркса в квартале бедняков. «Доктор» — значит учёный.

...Стемнело. Маркс отложил перо, зажёл лампу. Полез в карман за сигарой и вытащил... перочинный нож. Он поднёс его к глазам. На лезвии была выдавлена фамилия. Маркс знал: это не фамилия мальчика. И не того, кто сделал этот ножик. На лезвии была фамилия фабриканта, хотя именно у него всего меньше было прав на это.

Великий революционер думал о детях. Разве он мог забыть то, что рассказывал о себе, например, Вильям Вуд! Мальчику было девять лет. А начал он работать, когда ему исполнилось семь лет и десять месяцев. Он носил товар. Вильям должен был являться на работу в шесть часов утра, а кончать её в девять вечера.

Был записан у Маркса и рассказ отца одного из таких ребят — лондонского рабочего Джорджа Эспдена:

— Когда моему мальчугану было семь лет, я ежедневно носил его на работу и обратно на спине по снегу, и он трудился обыкновенно по шестнадцати часов!... Частое я становился на колени, чтобы накормить его, пока он стоял у машины, так как ему нельзя было ни уйти от неё, ни остановить её.

Такие факты Маркс привёл впоследствии в своём знаменитом произведении «Капитал». Над этой гениальной книгой он работал почти сорок лет.

СТАРЫЕ служители Библиотеки Британского музея много лет подряд видели, как в огромный круглый зал проходил коренастый человек в поношенном, но опрятном сюртуке — немецкий учёный доктор Карл Маркс. Обычно они определяли профессию читателей по названиям книг, которыми те интересуются. Теперь они в недоумении. Маркс заказывает то философские работы, то исторические. Философ! Историк! Но зачем ему понадобились книги по геологии! Астрономия и право, трактаты по математике и история техники — всё интересовало Маркса. Свыше 1500 книг изучил он за эти годы.

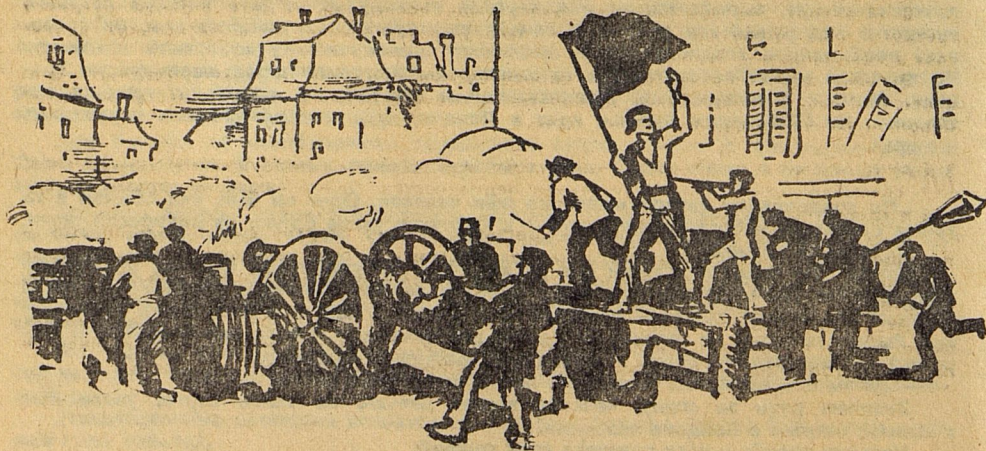
И всё то, что он изучил — факты, цифры, расчёты, — помогло ему научно доказать, что капиталисты не благодетели, как долбят об этом беднякам попы и продажные учёные, а злейшие враги рабочих и крестьян. Это была первая книга в истории, которую капиталисты могли запретить, но которую они оказались бессильны опровергнуть. А книга от страницы к странице ведёт к выводу: если рабочие откажутся признавать власть хозяев фабрик и заводов, капитализм рухнет и рабочие построят своё общество, где хозяевами будут они.

С ТЕХ ПОР как Маркс стал революционером, он жил в бедности. Бывали дни, когда в доме не было ни гроша и последний сюртук Маркса относили в ломбард, а сам Маркс с женой и тремя детьми питался одной картошкой и хлебом. Часто сам голодный, Маркс мучился оттого, что впроголодь жили жена, дети, хотя они никогда не жаловались на нужду.

От недоедания, оттого, что жить приходилось в сырых, холодных комнатах, сам Маркс, жена, дети часто болели. И порой не было денег, чтобы позвать врача, купить лекарство.

В те годы Маркс и Энгельс жили в изгнании в Англии. Маркс не мог найти работу. Произведения эмигранта-революционера не хотели печатать в буржуазных газетах и журналах.

Энгельс беспокоил утомлённый вид друга. И хотя Карл встречал его восторженными рассказами о сделанных им в книгах находках и подолгу обсуждал с ним

партийные дела, наблюдательный Энгельс видел, как мучает и изнуряет друга нужда. Энгельс искал способы помочь другу. Однако его попытки терпели неудачу. Оставался один ненавистный выход, и Энгельс принял решение: осенью 1850 года он уехал в Манчестер. Прошло меньше месяца, и в этом деловом центре, в конторе под вывеской «Бумагопрядильня Эрмен и Энгельс», появился новый служащий — сын одного из владельцев фирмы. Для Фридриха Энгельса это была единственная возможность помочь другу.

Эта поддержка давала Марксу возможность трудиться над «Капиталом». Маркс знал, что он не имеет права отказаться от помощи друга, ибо должен довести до конца начатый обоими труд, который укажет человечеству путь вперёд, поможет поднять пролетариат на борьбу против капиталистического гнёта.

16 августа 1867 года Энгельс получил из Лондона письмо:

«Итак, этот том готов. Только тебе обязан я тем, что это оказалось возможным! Без твоего самопожертвования для меня я ни за что не смог бы проделать свою огромную работу для трёх томов. Обнимаю тебя, полный благодарности!.. Привет, мой дорогой, верный друг!

Твой К. Маркс».

КОГДА 18 марта 1871 года над Парижем взвилось красное знамя Коммуны и власть взяли в руки парижские пролетарии, Маркс и Энгельс не знали ни минуты покоя.

С первых дней восстания в Париже среди коммунаров были члены Международного товарищества рабочих — I Интернационала, созданного Марксом и Энгельсом. Они работали во всех комиссиях, комитетах Коммуны. Они сражались на баррикадах Парижа.

В эти дни Маркс и Энгельс делали всё возможное, чтобы помочь товарищам, сражавшимся в окружённом врагами революционном Париже. Через Интернационал они обратились к рабочим всех стран со страстным призывом оказать поддержку восставшим, организовать выступления в защиту Коммуны. Маркс и Энгельс тайно передавали в Париж с верными людьми указания и советы коммунарам.

Те, кому после поражения Коммуны удалось спастись и добраться до Лондона, находили приют в квартире Маркса. Маркс вместе с Энгельсом выделили из своих небольших средств деньги в помощь коммунарам.

14 МАРТА 1883 года Маркс — гениальный мыслитель и революционер — скончался в своем кресле за рабочим столом.

Только один Энгельс мог разобраться в научном наследстве Маркса, в записках, где сотни сокращений в словах и десятки недописанных фраз на каждой странице. Только Энгельс мог понять с полуслова, что хотел сказать Маркс. Энгельс погрузился в работу над рукописями неоконченных второго и третьего томов «Капитала».

Через два года после смерти Маркса, в феврале 1885 года, Энгельс подготовил к печати второй том «Капитала». Не отдыхая ни одного дня, Энгельс принимается за работу над третьим томом. Часть рукописи успел подготовить сам Маркс. Кроме рукописи осталось множество отдельных выписок и заметок, сделанных Марксом.

Энгельс нашёл выписки из книги Моргана об индейских племенах. Маркс собирался изложить свои взгляды о появлении семьи, частной собственности и государства. Теперь этот замысел за друга должен был осуществить Энгельс. И вот в 1884 году выходит классическая книга Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства». В предисловии он со свойственной ему исключительной скромностью писал: «Моя работа может лишь в слабой степени заменить то, что уже не суждено было выполнить моему покойному другу».

В 1894 году Энгельс закончил работу над последней из 1870 страниц рукописи третьего тома «Капитала». Четвёртая глава и значительная часть нескольких других глав в нём написаны Энгельсом.

Энгельс занимался не только теоретическими работами. К нему постоянно обращались за советами соратники по борьбе за освобождение рабочего класса, особенно революционная молодёжь разных стран.

МАРКС и Энгельс! Эти два имени стоят всегда рядом. Неразрывные узы дружбы связывали всю жизнь двух гениев человечества. Ленин назвал их дружбу великой и трогательной.

В октябре 1917 года рабочие и крестьяне России свергли власть капиталистов и помещиков. На революционных знаменах восставших был написан призыв, который предложили К. Маркс и Ф. Энгельс для Союза коммунистов: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

Этот клич позднее был подхвачен рабочими других стран. Теперь на земном шаре более пятидесяти миллионов коммунистов. Растет огромный социалистический лагерь. История на деле доказала правоту великих идей Маркса и Энгельса.

Игрушечному солдатику, у которого была совсем не игрушечная судьба, посвящается эта сказка-быль.

Г. ГОППЕ

Рисунки Ю. Шабанова.

★

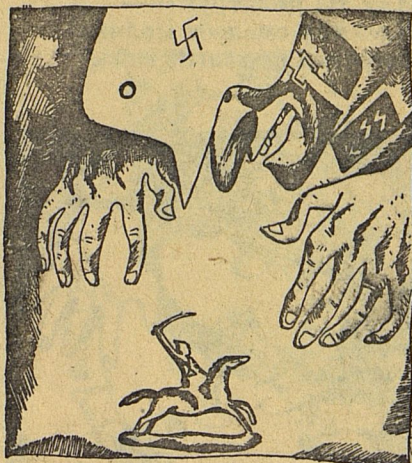
*Праздник
победы*

Взрывов чёрная стая
Рассекла эшелон,
На дёбьы поднимая
За вагоном вагон.
С эшелона, как в бездну,
Не сгорая в огне,
Падал конник железный
На железном коне.
Взрывом скинутый с полки,
Исчезая в дыму,
Падал конник. Осколки
В грудь стучали ему.
И любому джигиту
Здесь бы верный конец...
Впились в землю копыта, —
Вынес конь-молодец!
Может, скажете — небыль?
Это всё-таки было.
Сабля вскинута в небо,
Выше сабли ковыль.
Ни за что не проехать
Сквозь фашистский заслон.
Бродит злобное эхо
Там, где был эшелон.
Над вершинами ветер
Жаркий пепел несёт.
Где вы, Саши да Пети —
Невоенный народ?!
Крик пронзительный: «Мама!»
Умирает вдали.
Парашютом панаму
Отнесло в ковыли...
Травы головы клонят,
Дышат так горячо,
Словно добрые кони
Над солдатским плечом.
Шепчут: «Чем ты поможешь?
Чем ты сможешь помочь?»
Конник смотрит всё строже
В непроглядную ночь.
Застилает туманом
Притомившийся взгляд,
Не о собственных ранах
Вспоминает солдат.
Он железный, бывалый,
Ведь его наповал
Столько раз убивало.
Ничего. Воскресал.
Просит тело покоя,
Бродит в жилах свинец.
Но глаза не закроет,
Он бессменный боец.
В исполнении приказа
Был всегда образцом.
И плохого ни разу
Не сказали о нём,
И хвалил его даже,

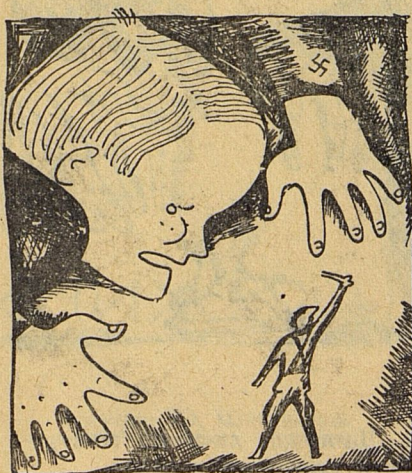
Хоть и был строговат,
Первоклассник отважный,
Первоклассный комбат.
А когда загремело:
«Встань со всею страной!» —
Запросился он в дело,
В самый яростный бой.
...Просыпается ветер,
Сердце в клещи берёт.
Где вы, Саши да Пети —
Невоенный народ?
Только поступь глухая
В напряжённой тиши.
Ковыли приминая,
Вырос в небе фашист.
Смотрит в травы с опаской.
Начеку автомат.
Серым куполом каска,
Морда — серый квадрат.
Встал, платки и пальтишки
Жадно к боку прижав.
И торчит из-под мышки
Длинношей Жираф.
Друг, с которым когда-то
Жили в мирные дни.
Хоть и не был солдатом,
А военным сродни.
Был он многих смелее,
Да войны не видал..
Эх, ты, друг длинношей,
Сразу в плен угадал?
Травы ниже и ниже.
Ветер съёжился, смолк.
Немец ближе и ближе.
Сунул в травы сапог.
В лапе, как на подносе,
Конармейца с конем
К серой морде подносит:
— Что, допрыгался гном? —
В мародёрской ухмылке
Раздвигается рот:
— Поломалась кобылка,
А солдат подойдёт.
А солдат пригодится. —
И сжимает кулак:
— Для наследника,
Фрица,
Нужен маленький враг.
Но без сабли, без сабли. —
И ломает клинок.
— Чтобы силы ослабли,
Чтобы драться не мог. —
Конармейца упрятал,
В травы бросил коня.
Ночь опять для солдата
Среди белого дня.
Но железная воля

Не закрыла глаза.
— Куклой хочешь быть,
что ли? —
Голос сердца сказал.
И в мешке-душегубке
Стал крепиться солдат:
«Ничего, я не хрупкий», —
Говорил его взгляд.
А потом на вокзале
Пересадка опять.
В ящик гвозди вогнали,
Чтоб не смог убежать.
Как дорогу запомнить?
Щёлки в ящике нет!

«...Да-ле-ко, да-ле-ко мне», —
Стук колёсный в ответ.
Снова парня качало,
Жар давил, как свинец.
Но всему есть начало,
И всему есть конец.
Щель ощерилась пастью,
Отлетела жара.
Рядом (надо же счастье!)
Друг-приятель Жираф.
В темноте не замечен,
Весь теперь на виду...
А вот новая встреча
Предвещала беду.
Словно саблей из ножен
Гвоздь взлетел над доской,
А над ящиком рожка,
Будто копия той —
Злобной, серой, квадратной,
Что под каской была.
Сразу стало понятно,

С кем неволя свела.
Сразу\сделалось жутко.
В жилы бросился ток.
Вот какой ты, малютка,
Мародёрский сынок!..
Фриц весьма аккуратен:
Вынул тряпки на стул,
Расстелил на кровати,
А Жирафа швырнул.
По коробкам, по полкам
Разложил шоколад.
И уставился волком:
— Ты откуда, солдат? —
Фриц затопал ногами,
Затвердил, как индюк:
— Ты солдат, или камень,
Или ты политрук?! —
Пленник смелым молчаньем
Встретил бешеный вой...

— Отвечай, отвечай мне! —
Так и брызжет слюной.
— Я сумею добиться,
Ты заплашешь у нас! —
Но трясушка у Фрица
Самого началась.
Сбросил тряпки с постели,
Бил по стулу сплеча.
...На допросах недели
Конник гордо молчал.
Фриц осунулся очень,
Не помог шоколад.
Веселей, между прочим,
Стал у конника взгляд.
«Значит, что-то я стою.
Размазням не чета!»
Он себя не героем, —

Просто храбрым считал.
Сядет с другом он рядом
И всю ночь напролёт
За молчанье в награду
Разговоры ведёт.
По-крестьянски, неспешно,
Про коней, про овёс.
Ну, и с болью, конечно,
Вспомнит стеньгу, паровоз...
И глядишь — у Жирафа
Вновь ресницы вразлёт.
Ночь гуляет под шкафом.
К окнам утро идёт.
Острогорбые крыши
Выступают с трудом.
Вот сейчас бы услышать
Нарастающий гром.
Где-то в улицах цокот.
Сразу к другу солдат:
— Загляни, ты высокий.
Может, наши спешат. —
Смотрит друг и решает:
Показалось иль нет.
И разводит ушами
Огорчённо в ответ.
Полыхают зарницы,
Не военные, жаль!
Значит, вновь перед Фрицем
Оборону держать.
Не упасть на колени,
Ни за что,
Никогда...
И не ведаёт пленник,
Что крадётся беда.
Фриц про дружбу пронюхал.
Спать от злости не стал.
Над подушками ухо,
Как щенок, подымал.
И однажды придумал...
Пленник входит под шкаф,
Смотрит в сумрак угрюмый:
«Где ты, друг мой, Жираф?»
А под шкафом, в засаде,
Рота прусских стрелков.
Сбоку, спереди, сзади
Частоколы штыков.
Тянут шаг, словно цапли.
Ждут команды «огонь!».
Конник,
нет твоей сабли,
Конник,
умер твой конь.
Есть
железная воля,
Есть
обломок клинка,
Бей, пока не заколот.

Не застрелят пока!
 Пасть бойцу не годится
 Перед недругом ниц.
 С места сдвинулись фрицы,
 В бой толкает их Фриц.
 В грудь вонзились штыками, —
 Но согнулись штыки.
 И, хоть сами с усами,
 Затряслись прусаки.
 Отступает колонна.
 А шаги не стучат.
 Далеко им,

картонным,
 До железных солдат!
 И чуть-чуть полегчало
 У бойца на душе:
 «Плоховато с металлом
 У фашистов уже».
 ...Дни катились, вертелись,
 Замотались в клубок.
 Ни дождей, ни метелей
 Всадник видеть не мог.
 Высоко подоконник,
 Тут бы надо коня.
 Жил надеждою конник,
 Ждал счастливого дня.
 Вечной ночью, под шкафом,
 В одиночке своей
 Вспоминал про Жирафа:
 «Где ж ты, друг из друзей?!»
 Дни вертелись, летели,
 Замотались в клубок.
 ...Как-то утром с постели
 Встал фашистский сынок.
 Глазки светят медово,
 Глазки жалом не жгут.
 Говорит:

— Мы готовы
 Вам устроить уют. —
 Конник взгляд не отводит:
 Хитрый, видно, расчёт?
 Фриц юлит, хороводит,
 Спину выгнул, как кот.
 Смотрит комнатным шпицем,
 Жаль, что нету хвоста.
 Тут как грохнут зарницы!..
 И отгадка проста.
 Фриц подумал немножко:
 Понял участь отца.
 И скорей на окошко
 Подымает бойца.
 Острогорбые крыши
 Держат трубы с трудом.
 Конник видит и слышит
 Нарастающий гром.
 В сердце радостный покат,
 Нет для взора преград.

До чего ж ты высокий,
 Краснозвёздный солдат!
 Мимо роты проходят.
 Неужели пройдут?
 Конник рад и пехоте,
 Нет же конников тут.
 Неужели не нужен?
 Посмотрели хотя б!
 Ветер голову кружит, —
 Что поделать — ослаб.
 Покачнулся и замер,
 Губы горестно сжал.
 Вдруг возник пред глазами
 Настоящий сержант.
 Боевые медали
 На сержанте звенят.

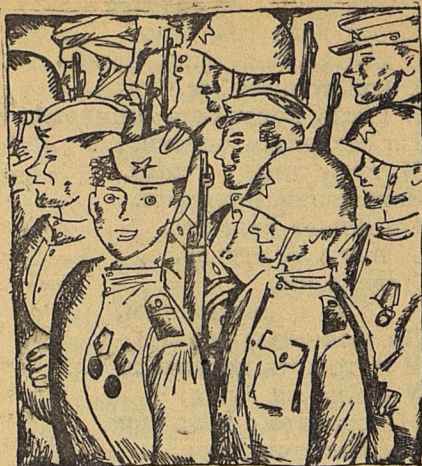
— Эй, ребята, видали,
 Наш, советский солдат!.. —
 Пересадки... Посадки...
 Пост для конника дан.
 Стал походной палаткой
 Гимнастёрки карман.
 Даже щель смотровая,
 А над ней козырёк.
 И к победному маю
 Путь победный широк.
 Под гуденье снарядов,
 В суете переправ
 Всех расспрашивал взглядом:
 «Где товарищ Жираф?!»
 Днём искал он и ночью.
 Горевал, как бобыль.
 В сказке б встретились точно,
 Но ведь сказка не была.
 ...За германской столицей
 Издыхала война.

У последнего фрица
Пуля только одна.
До разгрома минуты,
Может, десять минут!
Эту пулю — кому-то,
После

крикнуть: «Капут!»
Эта пуля —

сержанту...
Конник зорко смотрел,
Даже губы разжал он,
Приподняться успел
Улыбнулся устало:
— Ничего...

Наповал
Столько раз убивало,
Я опять воскресал. —
Пуля шла на рассвете.
Был заказан ей путь.
И смогла она встретить
Лишь железную грудь.
Дым к рассвету струился,
Завивался в кольцо.
А сержант наклонился
Над железным бойцом.
Взглядом взгляда всё ищет,
Гладит так по плечу:
— Ну, спасибо, дружище.
Я тебя подлечу. —
Конник шепчет:
— Не надо,
Разве дело во мне?
Сердцу счастье — отрада:
Был не зря на войне! —
Есть, на зависть мальчишкам,
У бывалых солдат
Краснозвёздные книжки.
В них как есть всё —
Подряд:

Где сражался, где ранен —
Словом, как воевал.
Да в твоём же кармане
Я такую видал.
Вот...

Дружил я по-братски,
Знал немало тревог.
Только книжки солдатской
Не добился, не смог.
И об этом тоскую,
Если время не жаль,
Ты мне книжку такую
Написал бы, сержант.
Фактов вроде с излишком,
Выбирай, что к чему.

.
И солдатскую книжку
Написал я ему.

ДЕТСТВО ленинградского писателя Вильяма Козлова протекало в те суровые годы, когда вокруг грохотали фронты, неслись эшелоны, горела войной земля. Поэтому-то в своих рассказах, повестях писатель так часто и обращается к судьбам ребят в военное время.

Сейчас В. Козлов работает над новой большой повестью «Витька Грохотов и его компания». С героями повести читатели знакомятся, когда те живут еще в мирные, предвоенные дни в городе, стоящем недалеко от границы. Живут, как все ребята: мечтают о подвигах, играют в прятки, читают, спорят. Верховодит в компании Гошка Буянов. Это он придумал игру в разбойников, когда вместе с Сашкой Ладонщиновым и

Витькой задержали они на улице девчонку с булками. А девчонке вдруг очень понравилось, что её «по-настоящему грабят». Ну и хлопотже с ней было!..

А потом вся компания потихоньку сбежала... в поход. Там-то, далеко от дома, и нагрянула на ребят война. По-разному повели себя мальчишки. Воинственный в мирные дни, Гошка растерялся, быстро сник. Тихий, задумчивый Витька, наоборот, оказался волевым, смелым парнем. Долго таскались ребята по немецким тылам, стараясь пробраться к своим через линию фронта. Гошка отбилсЯ от остальных. Витька пошёл искать его. И нашёл — в немецком плену...

Что было дальше, вы прочтёте в отрывке из повести, который мы печатаем ниже.

В. КОЗЛОВ

Витька Грохотов и его компания

Рисунки П. Вискова

ГОШКА

Прибыла ещё одна машина. Из неё, как горох, посыпались люди. Витька вскочил на ноги: среди прибывших был Гошка. С тех пор как они расстались, Буянов ещё больше осунулся, побледнел. С тощим рюкзаком за плечами, в треснутой на спине рубашке, Гошка поковылял к водонапорной башне. Приник губами к крану и долго, как лошадь, пил. Пацану, который стоял сзади, надоело ждать, и он ткнул Гошку кулаком в спину. Буянов сгорбился и отошёл. Пацан был на голову ниже Гошки, но тому даже и в го-

лову не пришлось огрызнуться или дать по шее.

Витька подбежал к нему. Гошка обернулся и вздрогнул, увидев приятеля. В глазах его что-то мелькнуло и исчезло. Непонятно было: рад он встрече или наоборот?

— Я тебя разыскиваю, — сказал Витька.

Гошка оглянулся на охранника, сидевшего на сосновых брёвнах у дороги, и кивнул; дескать, отойдём подальше. Они подошли к перрону и присели у изгороди. Поблизости никого не было. Ближайший охранник стоял у станционного здания и щёлкал семечки. Делал он это не-

умело. Шелуха летела во все стороны, охранник плевался и кашлял, но расстаться с семечками уже не мог. Это дело затягивает. Теперь будет давиться ими, пока не кончатся.

— Я был почти у самого фронта, — стал рассказывать Гошка. — Там такая идёт пальба — носа не высунешь из укрытия... Всю ночь проторчал в болоте, чуть не увяз, а утром вышел на дорогу — меня и загребли. Ты не знаешь, куда нас?

— Знаю, — сказал Витька. — В Фатерлянд.

— Куда?

— В Великую Германию... Помогать немцам завоевывать нашу страну.

— Я думал, расстреляют, — с облегчением сказал Гошка. С его плеч будто гора свалилась.

— Почему же ты не спросишь, где остальные?

— Здесь, наверное, где-нибудь.

Витька понял, что Гошке наплевать на всех, ему совсем неинтересно, что с ребятами и где они. Наверное, он и не вспомнил о них ни разу.

— Тише! — зашептал Гошка. — На нас смотрит.

— Ну и чёрт с ним, — сказал Витька. — Пусть смотрит.

— Ты не знаешь их. Не понравился — хлоп из автомата, и привет!

— Знаю, — сказал Витька.

Они помолчали. Немец плевался семечками и не смотрел на них. Вдалеке загудел паровоз. Ещё один порожняк прибывает. Надо немедленно действовать! На этот раз погрузят всех, а из вагона, как из мышеловки, не вырвешься. Задвинут за тобой дверь — и всё. Откроют в Германии. Мёртвых отвезут в крематорий, а живых погонят на работу. Обо всём этом Витька наслушался в подвале.

— Ребята нас ждут на хуторе, — сказал Витька. У него уже созрел план побега. — Сейчас подойдёт состав, и всех начнут загонять в вагоны... Видишь за путями кучу угля? На неё опрокинута порожняя вагонетка. Если потихоньку подгрести уголь, можно забраться под ваго-

нетку. Ни один фриц не догадается. Как состав остановится — сразу под вагон и к вагонетке. Тут начнётся такая давка, никому до нас дела не будет.

— А если увидят?

— Если бы, да кабы... Не увидят!

— А мы там вдвоём поместимся?

— Там впятером можно отсидеться.

— А потом как?

— Что потом? — стал злиться Витька.

— Как вылезем оттуда? Немцы ведь кругом!

— Вот дурья голова! Скоро вечер, стемнеет. Уйдёт эшелон, и немцы снимут охрану. Мы выберемся — и в лес! Дорогу на хутор я знаю.

Гошка напряжённо раздумывал. Витькин план ему понравился, но он не хотел и капли риска.

— Для чего здесь эта вагонетка? — спросил он.

— Сам бог нам её послал!

— На этой вагонетке уголь к паровозу возят, — сказал Гошка. — Где гарантия, что не поднимут вагонетку, пока мы там будем сидеть?

— Гарантию часовой завод даёт...

— Найдут под вагонеткой — сразу капут, — сказал Гошка.

Паровоз свистнул совсем близко. Над деревьями клубился белый дым. На всех парах мчался к станции порожняк. За новой порцией людей.

На перрон вышел дежурный в красной фуражке. Он равнодушно взглянул в ту сторону, откуда должен появиться состав, и зевнул. В руках у дежурного флажки. Всё так же, как и до войны.

— Двум смертям не бывать, а одной не миновать, — сказал Витька, поднимаясь. — Говорю, всё будет, как по нотам.

За их спинами раздалась короткая очередь. Буянов сунулся лицом в траву и замер. Ему показалось, что выстрелили в них. Когда Гошка открыл глаза, состав прибывал на станцию. Немец, который сидел на брёвнах, опустил автомат и достал из кармана сигареты, а за водонапорной башней, у казарменной из-

городи, корчился на земле парень в белой рубаше. Он хотел перелезть через изгородь и огородами уйти к лесу...

Витька положил руку на Гошкино плечо.

— Как остановится, сразу под вагон, — сказал он.

Гошка сбросил руку с плеча. Лицо у него было бледное, в глазах — ужас. Он дрожал, будто в ознобе.

— Ты видел? — прошептал он. — Убили...

Обдав жаром, прошумел мимо паровоз. Вагоны замедлили бег. Шипели тормоза. Охранники понимали с пустыря людей. Немец перестал плевать семечками и вышел на перрон.

— Ну, приготовились, — сказал Витька.

— Ни за что! — визгливо крикнул Гошка. — Ни за какие деньги!

— Замолчи, дурак. — Витька схватил его за ворот рубахи.

— Что тебе от меня надо? — не помня себя, вопил Гошка. — Отпусти!

Состав остановился. К вагонам приближались люди.

— Иди за мной! — прохрипел Витька. — Всё будет в порядке, вот увидишь. Сейчас они полезут в вагоны, а мы...

Гошка изловчился и впился зубами в Витькину руку. Тот вскрикнул и отпустил его. Буянов метнулся в сторону, смешался с толпой и одним из первых стал карабкаться в вонючую теплушку.

— Эх, Гошка, Гошка, — только и сказал Витька. В сердцах сплюнул и, натываясь на чужие ноги, нырнул под вагон.

Угольная куча была рядом. Немцев не видно. Они стоят дальше за путями и следят, чтобы никто не ушёл через рельсы в лес. Витька на брюхе подполз к вагонетке и стал руками подкапывать уголь. Постепенно под краем железной вагонетки образовалась пустота. На той стороне слышались отрывистые немецкие команды, топот сотен ног, вздрагивали и скрипели вагоны.

Витька лихорадочно отбрасывал куски антрацита и не подозревал, что за ним из-под вагона внимательно наблюдают два зеленоватых глаза.

Когда отверстие стало достаточно широким, Витька протиснулся под вагонетку и замер. Здесь, оказавшись наконец наедине с самим собой, он подумал, что сегодняшний день — самый длинный день в его жизни.

Шум стал приглушённым, далёким. Сбоку проникал дневной свет. Витька хотел было придвинуть локтями уголь, чтобы отверстие стало меньше, но оно вдруг само закры-

лось, и в следующее мгновение он услышал учащённое дыхание, чья-то голова уперлась в живот, а руки стали толкать, прося потесниться. Витька прижался к нагретому солнцем железному боку вагонетки. В первое мгновение он подумал, что его выследил немец, но тот бы не полез под вагонетку, а перевернул её, и дело с концом. Значит, Гошка!

— Это ты? — шепотом спросил Витька.

— Я, — так же шепотом ответил ему девчоночий голос.

ВЕРОЧКА КОРОЛЁВА

Когда стемнело, Витька и девчонка благополучно выбрались из-под вагонетки. Крупные, яркие звёзды сияли над головой. На станции непривычно тихо. Нет ни одного поезда. На перроне тоже никого не видно. Из станционного помещения пробивается узкая полоска света. В посёлке жалобно замычала корова, потом громко, взхлёб залаяла собака.

Витька взглянул на девчонку и невольно улыбнулся: она была чернее ночи. Угольная пыль пощадила только глаза. Они были широко раскрыты, и в них отражались звёзды. Наверное, и Витька выглядел не лучше.

— С кем я сидела под этой штукой? С негром? — сказала девчонка.

Витьке показалось, что он где-то слышал этот голос, но сейчас было не до воспоминаний. Нужно было

побыстрее сматываться. В любую минуту мог прибыть эшелон.

— Ну, ладно, — сказал Витька. — Я пошёл.

— Иди...

Определённо знакомый голос! Витька внимательно посмотрел на девчонку. Ей лет четырнадцать-пятнадцать, худенькая, тёмные волосы, чумазое лицо, только глазищи блестят. Если он негр, то она негритянка.

— Ты откуда? — спросил Витька.

— Это что, допрос?

— Очень надо! — ухмыльнулся Витька. — Будьте здоровы, живите богато.

— Как будто я его держу!

Витька повернулся и зашагал в темноту. Девчонка осталась на месте. Немного погода послушались ее торопливые шаги.

— Мне тоже в ту сторону, — сказала она.

— В какую?

— Туда... — кивнула она на посёлок.

— Мне в другую сторону, — сказал Витька и свернул к лесу. Девчонка ему совсем ни к чему.

Не прошёл он и десяти шагов, как она снова догнала его.

— Куда же ты пошёл? — встревоженно зашептала девчонка. — Там немцы!

— Ладно врать-то.

— Я сама видела палатки и часового. И танки там. Много танков!

Витька заколебался: девчонка не врёт. Не хватало ещё раз напороться на немцев! Уж лучше идти по той самой дороге, по которой их сюда привезли.

— Посмотрите, звёздочка упала... — сказала девчонка, глядя в небо.

— Какая же это звёздочка? Ракета.

— Ты меня за дурачку считаешь? — вдруг обозлилась девчонка. — Не отличу я звезды от ракеты!

— Надоело мне тут с тобой разговаривать, — сказал Витька. — Считаю звёзды, а мне надо идти.

— Всем надо идти, — сказала девчонка.

— Вот что, хватит трепаться! Ты налево, я — направо!

— Я тебе, идиотику, жизнь спасла, а ты хамишь.

Витька подивился такому нахальству. Она ему жизнь спасла!

— Как это понять? — спросил он.

— Пошёл бы в лес — и угодил к немцам в лапы.

— Кланяюсь тебе до самой земли... и прощай!

— Какой же ты после этого мужчина! — презрительно сказала девчонка. — Ночью, одну, бросаешь женщину на произвол судьбы.

— Женщину? — раскрыл рот Витька.

— Истинный джентльмен за женщину жизнь отдаст! Да что я говорю... Тебе всё это недоступно. О таких, как ты, моя бабушка говорила: горбатого могила исправит.

— Давай не стесняйся, — сказал Витька. — Что ещё твоя бабушка говорила?

— Я устала и есть хочу.

— Что прикажете подать, герцогиня, жареную индейку или поросёнка в собственном соку?

— Я два дня не ела, — тихо сказала она.

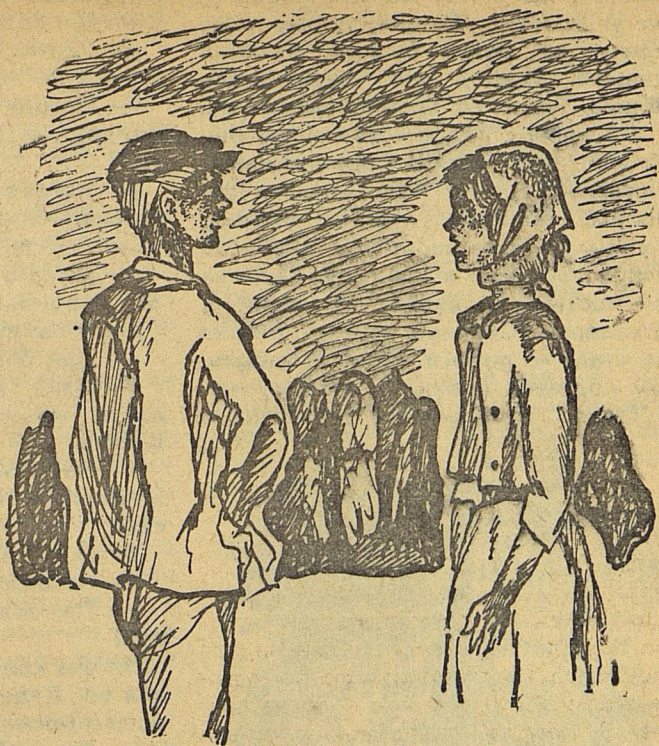
И Витьке стало стыдно. Хоть язычок у неё будь-будь, но она всё-таки девчонка и вот так бросать её ночью в незнакомом посёлке — это свинство.

— Как тебя звать?

— Верочка, — совсем по-детски, доверчиво ответила она. — Верочка Королёва.

Витька прикусил губу, чтобы не рассмеяться.

— Меня можешь звать Витькой, — сказал он.

— Не бросай меня, пожалуйста, — попросила Верочка. — Хотя бы до утра.

— Я, конечно, не джентльмен...

— И не обижайся, ладно?

— Пошли, — сказал Витька.

КОГДА они пришли в село, была ночь. Луна застряла в развилке узкого, синеватого облака, напоминавшего волчью пасть. Дома мрачно нахохлились. Витьке не хотелось проходить мимо комендатуры, но другого пути он не знал. По огородам опасно, — собаки поднимут лай.

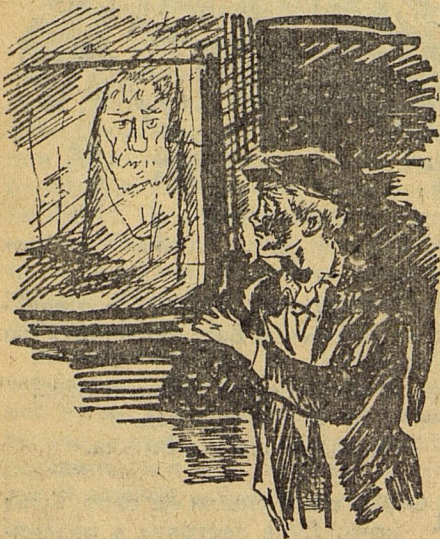
Они шли по широкой улице, держась в тени деревьев. Окна комендатуры были прикрыты ставнями. Из-под них пробивался свет. У крыльца стоял часовой. Они бы его и не заметили — он слился с берёзой, — но часовой пошевелился, чиркнул зажигалкой и прикурил. Маленький огонёк выхватил из темноты пол-лица, зелёную пилотку.

Витька сжал Верочкину руку и прижался к забору.

Часовой что-то вполголоса запел,

повернулся к ним спиной и пошёл за угол дома. Витька, держа девчонку за руку, быстро зашагал дальше. Из-под ног шарахнулась кошка. Глаза её злобно сверкнули.

До избы с ведром на крыше они дошли без всяких приключений. Оставив Верочку под высоким тополем, облитым лунным светом, Витька отворил калитку и пошёл по узкой тропинке к крыльцу. Сначала он постучал в дверь, но никто не отозвался. Сильнее стучать Витька не стал,—с дороги могут услышать. Он подошёл к окну и забарабанил в стекло. Колыхнулась занавеска и

замаячило чьё-то бородатое лицо. Скрипнув, отворилась форточка.

— Кто там? — спросил глухой голос.

— Дядю Кондрата...

— Портки надену и выйду, гроб с музыкой, — сказал бородач.

Дядя Кондрат был могучий, бородатый мужик. Он вышел босиком, в белой нижней рубаше и незастегнутых штанах. От него несло табаком и луком.

Витька всё в точности передал, что просил Седой, когда они вместе сидели в подвале комендатуры. Кондрат молча выслушал и вздохнул. Могучая грудь колыхнула рубашу.

— Повесили Федьку... царствие

ему небесное. — Он нагнулся и посмотрел Витьке в лицо.

— Где-то я тебя видел?

— Я не здешний, — сказал Витька.

— Погоди... — забеспокоился дядя Кондрат. — Переночевать-то есть где?

— Нельзя мне здесь, — ответил Витька. — Меня полицай Семёнов знает.

— До этого выродка тоже дойдёт очередь!

— Я пойду, — сказал Витька.

— Дай бог тебе здоровья, сынок.

— Дядя Кондрат, если можно, дайте немного хлеба, — попросил Витька.

— Пойдём в избу, — спохватился Кондрат. — Накормлю, чем бог послал.

Витька оглянулся и вздохнул.

— Не один я.

— Так зови и его, гроб с музыкой!

Витька сбегал за Верочкой и привёл её. Дядя Кондрат посмотрел на неё, спросил:

— Сестра?

Витька не успел ответить.

— Ага, — опередила Верочка.

— То-то, гляжу, вы похожи, — сказал дядя Кондрат.

Витька и Верочка так и прыснули.

— Знать, ещё душа держится в вас, ежели хихикаете, — заметил дядя Кондрат, отворяя дверь в избу.

Впотьмах он нащупал на шестке коробок и запалил керосиновую лампу, но, видно, вспомнив про светомаскировку, тут же задул.

— Давеча Гришке Попову полицаи в окно из карабина шарахнули, — сказал дядя Кондрат.

Он стащил с кровати одеяла и, кряхтя, занавесил окна. И лишь после этого запалил лампу и поставил на пол.

— Умыться бы, — вздохнула Верочка.

— Я вам посвечу. — Дядя Кондрат взял лампу, и они вышли в сени, где висел рукомойник.

Когда вернулись в избу и сели за стол, Витька наконец узнал девчонку... Он вспомнил тёмную улицу, старую часовню, ярко освещённый

гастроном и тоненькую фигурку девчонки с большой сумкой в руках. Три отважных разбойника в масках, вооружённые с головы до ног, окружили её. Да, это была она, та самая девчонка, которая сама отдала им булки, кошелёк и мелочь, что осталась в сумке. И ещё просила, чтобы её раздели и немножко зарезали, иначе тётя не поверит, что её ограбили настоящие бандиты. Она похудела, вроде бы глаза стали больше, но это была она.

— Ты что на меня уставился? — спросила девчонка.

— Я на икону смотрю, — сказал Витька, поднимая глаза. Над головой девчонки тускло мерцала большая икона богородицы с младенцем.

Хорошо, что они тогда были в масках... Вот было бы дело, если бы она его сейчас узнала.

— И вовсе не на икону — на меня ты смотрел... — Девчонка почуяла что-то неладное.

— Уж и посмотреть на тебя нельзя? — усмехнулся в бороду дядя Кондрат.

— Видите, теперь отворачивается! — сказала девчонка. — Я страшная, да? У меня нос в саже?

— Чистая...

— Нет, ты скажи, почему на меня так смотрел?

— Отвяжись! — сказал Витька. — Я вообще на тебя больше смотреть не буду.

На печи кто-то завозился. Отдёрнулась занавеска, и выглянуло зашпанные старушечье лицо.

— Ты чё, Кондрат? — спросила женщина.

— Где у тебя снедь-то?

— Будто не знаешь? В чулане... Гляди, банки с молоком не опрокинь, как давеча, медведь косолапый!

Старуха зевнула и снова спряталась за занавеской. Кондрат вышел в сени и скоро вернулся с хлебом, кувшином молока, солёными огурцами, окороком. Всё это он прижимал к своей широкой груди.

Верочка подбежала к нему и отобрала кувшин, который готов был выскочить у Кондрата из рук.

Ребята принялись уписывать за обе щеки. Старик молча смотрел на них, и глаза у него были грустные. Только сейчас Витька заметил, что дядя Кондрат весь седой, лицо в морщинах. А сначала он ему показался не таким уж старым.

— Два сына на фронте, — сказал он. — Живы ли?

— Живы, дедушка, — уверенно сказала Верочка. — Честное слово, живы!

— Дай-то бог...

Верочка рассказала, как они прятались от немцев в угольной куче под вагонеткой. Рассказывая, она ухитрялась откусывать по большому куску хлеба и запивать молоком.

— А теперь куда? — спросил Кондрат.

— К своим, — сказал Витька. — На ту сторону.

— Через фронт?

— Придётся.

— Вас же, как куропаток, перестреляют... Не немцы, так свои. Вы знаете, что там творится?

— Всё равно пойдём, — сказал Витька. — Не пропадать же нам здесь!

Старик задумался. Пальцы его, видно по привычке, забарабанили по столу, накрытому рыжей клеёнкой.

— Отсюда до передовой вёрст двадцать, — сказал он. — Слышите, бухают?

Витька уже привык к постоянно-му грохоту канонады и не обращал внимания. Ночами над лесом занималось багровое зарево. И не потухало до утра. Тяжёлые молоты били по наковальням день и ночь. Без передышки. Наша армия закрепилась на лесистом берегу реки, и немцы прилагали все усилия, чтобы вышибить её оттуда. «Юнкерсы» бомбили переправу, к передовой ночами подтягивались танковые дивизии.

— Я так давно не пила молока, — вздохнула Верочка.

— Наливай, дочка, мало будет — ещё принесу... Коровёнку-то немцы не сегодня-завтра отберут. Угонят в Германию. Как с голодного острова — всё тянут к себе, гроб с музыкой!

— Коров что, — сказала Верочка. — И людей. Нас тоже чуть не угнали.

— Вот что я надумал... Завтра в ночь отведу вас к нашим. На ту сторону. Через болото. А теперь ступайте спать. В горнице диван и кровать. Сыны там мои спали...

Витька рассказал старику, что на хуторе ждут товарищи, без них он никуда не пойдёт. Если дядя Кондрат будет настолько добр, что возьмёт их с собой, то Витька немедленно слетает на хутор и завтра к вечеру приведет их.

— Сюда не надо, — сказал ста-

рик. — От хутора ближе... После захода солнца ждите меня.

— Опять, старый, туда пойдёшь? — слышался с печи недовольный голос. — Дождёшься ты, повесят на берёзе.

— Ты спи, мать, — отмахнулся дядя Кондрат. — Не твоего ума это дело.

— Горе мне с этим неугомонным... Ни днём ни ночью покоя нет!

— Дедушка, спасибо за всё, — поблагодарила Верочка. — Можно я вас поцелую? — Верочка приподнялась на цыпочки и едва дотянулась до шеи старика. Он нагнулся, и девочка прижалась щекой к седой бороде. — Вы такой хороший...

Дядя Кондрат погладил её и подтолкнул к Витьке:

— Дорога не близкая... С богом!

Они вышли за околицу, и высокие молчаливые деревья сомкнулись за их спиной. Чуть заметно желтела под ногами дорога. Звёзды накололись на острые макушки сосен и елей. На листьях и иголках — лунный блеск. Тихо в лесу. Треснет под ногой сучок, и кажется, что выстрел прозвучал.

Верочка наступала Витьке на пятки. Он слышал её дыхание.

— И совсем мне не страшно в лесу, — шёпотом сказала она.

— А если волк? — спросил Витька. — Или медведь?

— Фашисты страшнее...

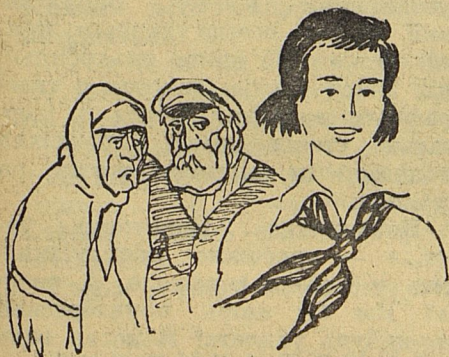
Это верно. Лес — теперь друг. В лесу спасение. Может быть, в мирное время Витьке ночью в лесу и стало бы не по себе, а сейчас ничего. В селе страшно, где оберштурмфюрер Лемке и помощник коменданта Семёнов, где долговзый Василь, где повесили Седого.

БЫЛИ БАБУШКИ ПИОНЕРКАМИ...

ТИХУЮ, рассудительную, вечно занятую домашними делами бабушку Веру просто нельзя было узнать. Накинув платок, она бегала по лестницам и звонила в квартиры знакомых бабушек.

— Письмо! — волновалась она. — Письмо получила. Из Ленинграда. Катька, понимаете, разыскала! Жива, значит, Катька. И другие наши тоже. Представляете! Меня нашла!

В общем, в доме было то, что называется переполохом. И устроила его действительно Катя. То есть теперь она уже Екатерина Григорьевна, пожилая, всеми уважаемая женщина. Но было время, когда и её звали просто Катькой.

ПЕРВЫЙ ГАЛСТУК

Жила она тогда на Васильевском острове. Тихо, сонно плелось здесь тогда время, не спеша катилось по булыжным мостовым, поросшим травой, по серым щербатым плитам тротуаров, мимо занавешенных пылью окон.

Шумел душный июль 1924 года. На лотках нэпманов лежали первые яблоки.

— Белый налив! Белый налив! Славный на вид, а на вкус — один хруст! Пад-ха-ди!

И ребята подходили. Но у торговков сразу же сдвигались брови,

хмурились лица. Даром яблоки они отдавать не собирались.

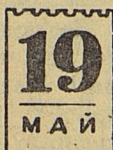
Что оставалось делать ребятам? Подбирали червивые «падалыцы» с ларьков, огрызки. И надо же так случиться, что разодрались тогда Катя с Сонькой Хваловской из-за паршивого яблока. Да как раз в тот момент, когда подошли к ним откуда-то четверо парней.

— Эх, яблочко, куда котишься? — пропел один. — Эй, козочки, чего бодаетесь? Хотите в кинематограф? Ну, чего смотрите? Бесплатно. Специально для забияк.

Кинематограф! Это было похлеще, чем целый лоток «наливов»! Но вначале их ждало разочарование: парни привели девчонок к здоровенному сараю, внутри которого гудело и клокотало, как на Андреевском рынке. Сотни две мальчишек и девчонок галдели, крутились, дрались, из-за лучших, как они тогда еще думали, передних мест. Всем хотелось усестись поближе к грязноватому, заплятанному куску полотна.

Наконец свет погас, сзади что-то застрекотало кузнечиком, и дымный, сотканый из миллионов пылинок луч повис над всклокоченными головами сразу притихшей детворы. Знаменитые Пат и Пата-

День рождения
пионерской организации
имени В.И. Ленина

шон были тут как тут! И час ли прошел или секунда пролетела — никто и не заметил. Но по экрану пробежал скорпионов хвостик — кончик ленты, загорелся свет, и один из тех самых парней встал перед залом.

— Ребята! — громко сказал он. — Согласны собираться здесь каждый день?

Они так гаркнули, что, наверное, только чудом не рухнула крыша.

А вскоре Катю вместе с другими ребятами приняли в пионеры. Прямо в том же сарае, где помещалась пионербаза.

До сего дня звучат у неё в ушах слова той торжественной клятвы: «Я, юный пионер, перед лицом своих товарищей клянусь...»

Эту клятву она слышала в себе всегда: и когда вступала в комсомол, и когда в партию принимали...

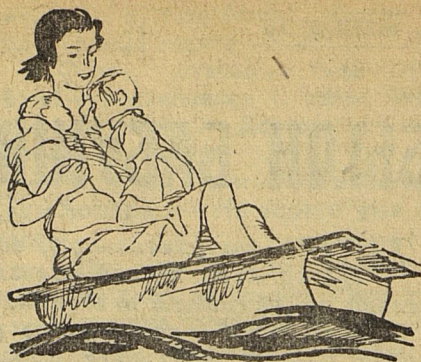
Но те, первые дни после приёма в пионеры начались с огорчений: галстука не было. И взять негде. В магазинах не продавали, вожатые достать нигде не могли. А как хотелось выйти на улицу, и чтобы все-все видели: она — пионерка!

— Что это ты, Кать, невесёлая какая-то? — спросила однажды бабушка, собираясь в гости.

Глянула Катя хмуро да вдруг и залилась колокольчиком: придумала! Глаз не оторвать от бабушки. От её юбки. Красной, густой, пурпурной! Сколько галстуков из неё выйдет! Пол-отряда одарить можно.

Через два дня не было в Ленинграде человека счастливее Кати Суриковой. И её друзей.

Вот только бабушке внучкин галстук показался вдруг чем-то знакомым. А когда догадалась — ничего уже поделать было нельзя. Из юбки галстук выкроить можно, а наоборот?..

НАД ОМРАЧЁННЫМ ПЕТРОГРАДОМ

22 сентября 1924 года было второе по силе наводнение с самых пушкинских времён. Васильевский остров всегда первым принимает на себя напор взъярённых вод. Ветер с утра свистел в телеграфных проводах, тёрся о шершавые стены домов, громыхал отодранными листами жести на крышах.

«Наводнение... Наводнение будет...» — тревожно прислушивались к погоде взрослые. А ребята? Им бы лишь поинтересней что-нибудь увидеть! И когда вода вдруг ударила из люков, ребятня с визгом бросилась врассыпную по улицам. Не от страха — от восторга, что сейчас-то это интересное и начнётся.

Вечерело. Дождь сёк наискось, зло. Ветер зверел. Фонари на проводах раскачивались так, словно их яростно крутили на своих скакалках девчонки. А вода... Вода хлюпала уже у подоконников, заглядывала в окна.

— Катка! — опомнились наконец подружки. — Бежим домой! Утопнем!

Бежать? А как бежать? Вода тяжёлая, высокая, холодная. Ноги ломит. А тут — что это?

— Девочки, глядите!

На подоконнике стояла малышка лет четырёх и плакала: «Мама! Мама!» А волны, словно в пролёт моста, уже катились в комнату. Катя кинулась на по-

мощь. Детские ручонки упали ей на плечи, обвинили шею. А плач? Откуда ещё плач? Ой!.. Это было ещё страшнее: там в комнате, в люльке, уже заливаемой водой, надрывался в крике полугодовалый малыш.

Потом уж, когда вода чуточку склынула, прибежала к Суриковым (люди сказали) мать этих малышей. С другого конца города домой добиралась! А пока, пока страшен был Васильевский остров. По линиям, подгоняемые белыми барашками, плыли, кувыркаясь в волнах, доски, столы, стулья, ограды со Смоленского кладбища...

Отправилась в плаванье и Катя. Бабка, хлопотавшая вокруг спасённых детей, вдруг выскочила на крыльцо:

— А бельё-то! Батюшки! Катюшка, сымать надо! Садись в корыто, я тебя уже подтолкну.

Чудесным кораблём оказалось старинное деревянное корыто. Чудесным, но... неуправляемым. Еле-еле удалось спасти саму спасательницу.

Утром у ребят забот был полон

рот: ликвидировать последствия вчерашней стихии. Расчищали улицы, дворы, убирали мусор, помогали вносить в дома вещи, отчерпывали воду, стерегли до прихода хозяев найденную мебель. И недаром пионерская стенгазета отметила мужественное поведение многих ребят. В том числе и Кати Суриковой. Ей посвятили картинку: нарисовали в корыте, несущейся по волнам в обнимку с двумя малышами.

38-я БАЗА...

А на будущий год Катя вместе с родителями переехали с Шестнадцатой линии на Галерную (теперь — Красная улица). Здесь

Борис КОПАЛЫГИН

Г р а н и ц а

Вот эта сосна, и тропинка, и птица
Уже не Россия,
Уже заграница.
Мне кажется, даже гусиная стая
Границу, как ток, ощутит, пролетая.
На землю, на воду, на лес и на лица
Печать наложила незримо граница.
Она поводок натянула собачий
И шарит биноклем по лодке рыбацкой,
Она по мишеням на стрельбище метит,
И небо, как воду, локатором цедит,

*День
пограничника*

Долой, долой монахов!
Долой, долой попов!
Мы на небо залезем —
Разгоним всех богов!

Вывесила его Катя на самом подходящем месте — под образами. Когда бабушка, вернувшись из магазина, привычно поднесла руку ко лбу, чтобы осенить себя крестным знамением, её вдруг несказанно удивило чудо: Иисус

[illegible]

A black and white illustration of three men in uniform. Two men stand in the background, one in a light-colored uniform and the other in a dark uniform. A third man, wearing a peaked cap and a light-colored uniform, sits in the foreground, leaning on a cane. The illustration is simple and appears to be a woodcut or a similar print style.

Мучил кошек, бил собак —
Настоящий был босяк.
Жура, жура, журавой,
Журавушка молодой...

И дальше рассказывалось о том, каким теперь хорошим парнем стал Ваня-пионер. Кстати, он выучился потом на инженера, а жив ли и где сейчас — этого, к сожалению, до сих пор никто не выяснил.

«ВЗВЕЙТЕСЬ КОСТРАМИ...»

Сейчас куда ни поедешь летом, везде увитые зеленью вывески: пионерлагерь такой-то. А тогда лагерей было ещё очень мало. И один из самых первых — 38-й базы в Сестрорецке. Начальником в нём был любимый вожатый ребята Валентин Сологуб. Даже сейчас, когда бывшие пионеры стали уже дедушками и бабушками, когда нет уже и в живых вожатого, называют они его по старой благодарной памяти только «товарищ Валя».

Тот лагерь в общем-то был похож на нынешние, но имелось у него и своё, особенное. Весь бюджет хранился в кармане у Валентина Сологуба. А шёл НЭП, и требовалась немалая хватка, чтобы сытно и вкусно кормить ребят. Да они и сами умели постоять за себя.

В палатах тогдашних лагерей не было никелированных пружинных кроватей, — стояли бесхитростные занозистые топчаны и на них матрацы, набитые сеном. Сено это далось тоже непросто.

Только у местного попа был излишек сена. Он и непрочь был уступить малую толику своего добра малолетним нехристям, но — за известную мзду. Торговались сноровисто, но ушлый служитель культа упёрся — три рубля с матраца, и ни копейки меньше. Пришлось согласиться. Но мальчишки не прогадали: в один матрасник они втискивали столько сена, что он раздувался, как дирижабль. Поп злился, но молчал: уговор дороже денег. А по-

Свежий хлеб

Едят в шинелях серых парни
Его охотней всех сластей.
Ещё живёт тепло пекарни
В душистой мякоти ломтей.

С хрустящей корочкой румяной,
Он пышен, лёгок, ноздреват.
Беру — и веет Казахстаном
В лицо мне хлебный аромат.

И я лечу мечтой на запад,
Где степь лежит в росе седой...

А на других тот хлебный запах
Пахнул Сибирью, Кулундой,
Напомнил вдруг Рязани небо,
Дымки Смоленского села...

От всех краёв буханка хлеба
Родное что-то принесла.

Как не беречь страну солдату,
Где он родился, рос и креп,
Страну, чей труд и ароматы
Собрал в себя вот этот хлеб!

том из каждого «дирижабля» получались два отличных матраца!

Время катилось незаметно. Жили весело, дружно, как одна большая семья. По субботам работали: девочки мыли полы, мальчишки кололи дрова.

Больше всего нравилось ребятам ходить в гости к пограничникам. Граница проходила тогда по реке Сестре, и мальчишки очень любили заплывать за середину — дразнить шюцкоровцев. И девчонки тоже «нарушали» границу: посреди моста проходила черта — нейтральная линия. Вот девчонки встанут у этой черты и прыгают за неё: кто дальше в Финляндию запрыгнет.

Самым строгим наказанием в лагере был бойкот. И хотя применяли его крайне редко, Кате «повезло» — три дня мучилась, как в пустыне. За то, что искупалась самовольно. На всю жизнь запомнила, что значит, когда товарищи ходят рядом и не замечают тебя...

Вечерами, после костра, шли обсуждения прочитанных книжек, долго, бывало, не могли заснуть. Скажет им дежурный раз, скажет два, а на третий — появляется в дверях «товарищ Валя»:

— Подъём! С песнями!

Приходится вставать, одеваться и маршировать по лагерю с песней:

Взвейтесь кострами, синие ночи!..

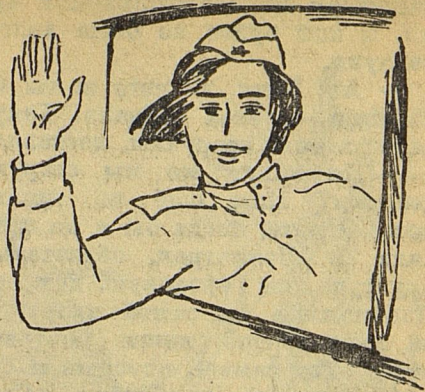
Одна песня сменяет другую.

После такой прогулки засыпали мгновенно и сладко. Как сурки.

«АХ, КАК ГОДЫ ЛЕТЯТ...»

Да, бегут, бегут года, быстро, неудержимо. Иной раз взглянешь на фотографию — да полно, ты ли это, Екатерина Григорьевна? Вот эта девочка с гладким пробормом в темно-русых волосах.

Ты, ты, Григорьевна! Сколько уже позади осталось. Всё лучшее,

наверное, там. И лучшее из лучшего — вы, быстролётные пионерские годы.

Теперь вот внучка о них расспрашивает, в школах ребята интересуются, приглашают на сборы. А там от вопросов не отобьёшься: и о первых пионерах расскажите, и про войну, про то, как сражалась с врагом рядовая Екатерина Сурикова, фронтовой водитель автомашины...

А однажды очень волнующий вопрос задали:

— Где теперь ваши товарищи по отряду?

И в самом деле: где они? Те, с кем шагала в одном пионерском строю? Где её друзья?

Вот тогда-то и полетели в разные города письма. Тогда-то и получился переполох у бабушки Веры.

И вот они собрались. Не все, конечно, но многие. Сорок лет минуло. Да каких! Один год и за два и за три идёт. Ехали — опасались: узнают ли друг друга, о чём говорить-то? Ведь порою люди не видятся год-другой, встречаются и — чужие.

Так думал каждый. Но вышло совсем иначе.

— Катя! Валя! Борька! Нина! Девочки! — кричали, целовались эти бабушки и дедушки, сбросившие, как в сказке, десятки лет, ставшие такими же озорными, шумными, дружными, как тогда. И полетело, полетело незаметно в

рассказах да воспоминаниях времени, и как будто не было долгой разлуки.

— Ах, Катя, до чего ж ты молодчина — всех собрала! Такую радость нам, старухам, доставила.

— Да какие же мы старухи, девочки? Нам ещё по тринадцать! Знаете, когда бы я ни приехала в Ленинград, обязательно иду туда, на Гороховую, дом три. Поднимаюсь до самой квартиры, на дверях ещё ящик почтовый висит. Тот самый, который я своими руками прибивала. Стою и смотрю... Потом захожу во двор дома номер пять, где детство прошло. А вот заглянуть к кому-нибудь страшно.

— Ой, Ленка, и я, и я тоже! — вторит Елене Михайловне Вера Ивановна. — Я тоже уж если прохожу здесь, то медленно. В окна заглядываю. Вот здесь, думаю, Борька Смирнов жил...

— Я и сейчас живу. Зайти надо было.

— А помнишь, Борька, как в Волховстрое, куда мы тогда ездили, грязь, дождь в котлован сып-

лет, у тебя голос пропал?.. А тебе петь надо, и заменить некем...

— Как не помнить: два десятка яиц заставили выпить, черти. До сих пор, как вспомню, — худо становится. В блокаду только благодаря воспоминаниям о вас и выжил. А голос так и не прорезался — зря старались.

— Ну ничего, строители всё равно остались довольны.

— Катя, а помнишь, как я тебя у «рюмок» спас?

— Ой, да... Верно. Их ведь теперь — эти вазы над Невой у Медного всадника — никто больше так и не называет. Так это ты меня тогда за ногу из-под баржи тащил?

— А помните!..

УЖ ночь пала на город, а они всё шли по притихшим улицам, прощались и снова, снова: «Ну ещё немножечко... До следующего угла...» А там опять, опять...

Вот каким вечным сплавом оказалась их нержавеющая пионерская дружба.

Л. ШКАВРО

С Е В Е Р

Можно ли

довериться апрелю,
если от болот твоих,

Юрга,

хриловатым голосом
метели

до Унды

освистана тайга?

Я с трудом распутываю замать,
непогоду

чертовски кляня,

где глядит

оленьими глазами

Заполярный север на меня.

На пути к соболю Тугаю
я, роднясь

с безвестной стороной,

на хвосты метелям

наступаю,

и они

считаются со мной,

ПОДСНЕЖНИКИ

Рис. В. Бескаравайного

ДОМ КУПРИЯНА

Несколько лет назад Дороховы приезжали гостить к Куприяну. От той поездки в памяти у мальчишек не сохранилось ничего. Отец хоть и помнил, как выглядел тогда дом, но сейчас не мог бы сказать, в каком конце деревни он находится. Мать запомнила всё.

Деревня стояла на холме, на склоне, обращённом к заливу. Как только тропка вышла из леса и перед Дороховыми раскинулось селение, уступами спускающееся к воде, мать сказала, будто здесь и родилась:

— Вон дом с берёзой.

Он стоял внизу, на отлёте, у самой полосы прибрежного песка. Высокая и ещё не совсем пожелтевшая берёза прикрывала его широкой кроной.

Мальчишки недолго разглядывали своё будущее жилище. Дом как дом! Чего на него смотреть? Вот море — это да! Всё в белых барашках, оно безостановочно бежало к берегу, но никак не могло забраться на крутой холм. Напротив дома из воды торчал большой камень. Волны разбивались о него. Брызги искрились на солнце. Ветер подхватывал их и выносил на песок. Море шумело, вытеснив все остальные звуки. Ребятам показалось, что у них заложило уши.

— Смотри-ка! — Федька

Продолжение. Начало в «Искорке» № 4 за 1968 г.

толкнул Карпуху в спину. — Никак церковь затонула!

Далеко в заливе, разрезанном на бесконечные белые борозды, из воды высывался церковный купол.

— Это Кронштадт, — сказал отец. — Зимой к нему пешком добраться можно.

— Ты ещё доживи до зимы! — проворчала мать и, дойдя до того места, где тропа раздваивалась, уверенно свернула вправо.

По деревне идти не пришлось. Тропка задами привела их к самому дому. Он был ещё довольно крепок. Стоял как бобыль, один-одинёшенек. Ни забора, ни сарая. Лишь берёза, словно часовой, вытянулась перед окнами, заколоченными старыми досками. Дверь закрыта. Чтобы она не открылась от сквозняка, в порог вбит деревянный клин.

Мальчишки соскочили с Прошки. Отец привязал коня к берёзе и долго возился с клином. Наконец тот подался с тягучим скрипом. Потревоженные этим звуком, на берёзе закричали вороны. Карпухин ворон каркнул в ответ и чуть не выскочил из кепки. Мальчишка прижал его к груди.

Наступила торжественная минута.

— Ну, братан! — произнёс отец. — Не сердись. Сам звал... Принимай!

Он поскрёб подошвы сапог о крыльцо и открыл дверь. За ним втянулось в дом всё семейство.

Узкие тёмные сени с разошедшейся кадкой в углу и крутой

лестницей на чердак. Ещё одна дверь. За ней — крохотная прихожая, из которой можно пройти и в кухню, и в комнату, единственную в доме. Тут было посветлее. Свет просачивался в щели между досок, приколоченных снаружи к рамам. И на кухне и в комнате царил невообразимый беспорядок. Но ни стол, ни скамейки, ни комод не были попорчены. Даже уцелело стекло в дверце настенного шкафчика для посуды.

Всюду валялись промасленные тряпки, которыми когда-то чистили оружие. На столе — гряда банок из-под мясных консервов, яичная скорлупа. Под окном — несколько пар дырявых ботинок, разорванные матросские тельняшки и бушлат без рукавов. Потрёпанная матросская одежка была кучей навалена и на деревянный остов кровати без матраца. Вероятно, в доме Куприяна какое-то время жили матросы. Однажды им привезли новое обмундирование. Переодевшись, они ушли куда-то, ничего в спешке не убрав за собой.

— Открой окна, — сказала отцу мать и стала разбирать консервные банки. — Неужто все пустые?

От этих слов у мальчишек засосало под ложечкой. До этого они крепились, — знали, что есть будут не скоро: с собой у Дороховых ничего не было, а достать еду в незнакомом месте не так-то просто.

Карпуха положил кепку с вороном на лавку, и братья

с усердием принялись помогать матери.

— Ищите лучше помойку во дворе! — недовольным голосом приказала она. — Одно железо осталось... Выносите из избы!

Федька побежал во двор искать место для мусора, а Карпуха расстелил на полу рваную тельняшку и рядами уложил на неё пустые банки.

Одна за другой с треском отлетели доски от окон. Светлее стало на кухне.

— Да-ёшь Красную Горку, — по складам прочитал Карпуха слова, написанные углём на русской печке. — Мам! Это про что?

Мать посмотрела на печку, и Карпуха заметил, что её лицо неожиданно подобрело.

— Про что, не знаю, — сказала она. — А вот это... Это спасибо! Мир не без добрых людей!

Тут и Карпуха увидел, что в нише, куда обычно ставят самовар, поблескивали круглые бока нескрытых консервных банок, а на них лежали пять ссохшихся, покрытых пылью буханок хлеба.

У ниши собрались все Дороховы. Отец удивлённо, по-мальчишески вытянул губы.

— У-у-у! Везёт же нам, Варвара!

— Ты губы-то не развешивай! — одёрнула его мать. — Сами поедим, а конь голодать будет?.. Хватит — одного заморили! Иди в деревню, и чтоб к обеду сено было! Хошь выпроси, хошь в долг возьми!.. А вы, ротозей, чего дремлете? — Это относилось уже к

сыновьям. — Живо за уборку! Воды! Дров!

И ожила изба Куприяна. Вскоре из трубы повалил дым. Ветер разнёс запах жжёной шерсти. Это горело в печке тряпье, оставленное матросами. Но не всё. Что получше, мать отложила для хозяйства.

Федька забрался на берёзу и наломал веток для веников. Карпуха нашёл на чердаке вёдра и пошёл за водой. Колодец был на склоне холма рядом с тропой, по которой Дороховы добрались до дома. Вёдра оказались с дырками. Обратно Карпуха спускался

бегом, разбрызгивая вокруг себя весёлые струйки.

А мать хлопотала в избе. Умела она работать и других умела заставлять. Даже не заставляя, а просто, глядя на неё, нельзя было ничего не делать или делать плохо. И не забывала она ничего. Когда Карпуха, залепив глиной дырки, второй раз сбежал за водой и вернулся с полными ведрами, он увидел своего ворона на чисто вымытой скамейке. Ворон стоял на здоровой ноге, оттопырив подбитое крыло, и жадно клевал размоченные хлебные крошки.

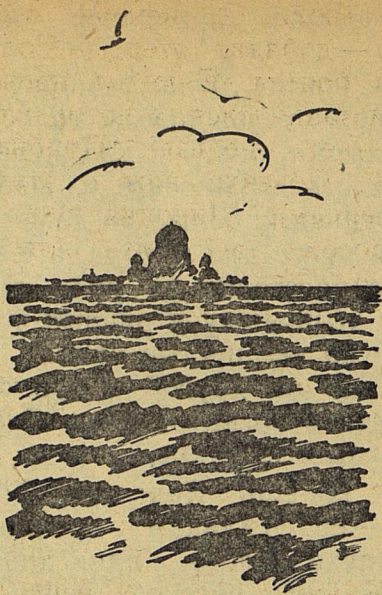
Карпуха сразу простил матери ночные подзатыльники, отвешенные в камере предварительного заключения, и спросил:

— Мам! А как мы его прозовём?

— Купря! — тотчас ответила мать. — Вороны, говорят, по сто лет живут. Долгая останется память по Куприяну Денисычу — царство ему небесное!

Когда предварительная уборка была закончена и мать протёрла пыльные стёкла, в доме стало уютно. В печке потрескивали коряги, принесённые мальчишками с берега залива. Булькал суп в большом чугуне, найденном в подполье. Там же отыскалась и кое-какая посуда. Четыре вымытые плошки выстроились на столе.

Есть хотелось страшно, но мальчишки не торопили мать. Сколько её ни упрашивай, до возвращения отца обеда не будет. Они то и дело поглядыва-

ли в окно. А сытый ворон сидел на подоконнике и постукивал клювом в стекло. Вид у него был удивительно домашний, словно он другой жизни и не представлял. И не боялся он никого, только сердился и предостерегающе открывал клюв, когда кто-нибудь подходил к окну.

— Едет! — крикнул из комнаты Карпуха.

Мать и Федька подошли к кухонному столу. К дому подъезжал отец. Через Прошкину спину были перекинuty два связанных верёвкой тюка прессованного сена.

За обедом отец сказал, что в деревне ничем не разживёшься. С кем он ни говорил, никто не захотел одолжить сена. Все в один голос уверяли, что и самим не хватит на зиму. Вернулся бы он ни с чем, да повстречался ему военный обоз. Артиллеристы везли фураж в свою часть. У них отец и выпросил два тюка.

— Люди в деревне хмурые, — добавил отец. — Голодухи боятся. Я хотел насчёт муки заикнуться, а потом гляжу — нет, нельзя! Прибьют ещё!.. Повезло нам с этими консервами. Широкая душа у матросов. На смерть шли, а добро сделали!

— Почему на смерть-то? — спросил Федька.

Отец посмотрел на слова, написанные на печке: «Даёшь Красную Горку!»

— Красная Горка — это форт. Переметнулся он к беякам. А орудия в нём — во! — Отец сцепил руки в кольцо, обхватив невидимое жерло. — Пока этот форт брали — много полегло наших.

ПЕРВАЯ ВЫЛАЗКА

После обеда мальчишки пошли к заливу. На этот раз никакого задания от матери у них не было. А когда нет заданий, совсем по-другому и ходится, и дышится.

Ветер поутих. Волны сбросили свои белые шапки и не разбивались о камень, а с негромким всплеском обтекали его. От берега до камня — шагов двадцать. В тихую погоду, когда море спокойно, до камня можно дойти, не замочив штанов.

— С него рыбу хорошо удить, — сказал Карпуха.

— Мелко тут, — возразил брат. — И за камнем мелко. Лодку бы! Да сеть!

— Мамка свяжет!

— А лодка?

— У кого-нибудь есть. Взять можно.

Братья посмотрели вдоль берега в сторону деревни. Лодок они не увидели, а заметили невдалеке двух мальчишек, которые шли по песку у самой воды. Напротив камня и произошло их знакомство.

Чужие мальчишки были очень похожи друг на друга — сразу видно: родные братья. Тот, что постарше, оглядел новичков и с любопытством спросил:

— Что нашли?

Федька с Карпухой ничего и не искали, но ответ должен быть достойным, и Федька не задумываясь сказал:

— Что нашли — то наше!

— Ничего вы не нашли! — ещё раз оглядев новичков, произнёс мальчишка. — Но учтите: до этого камня — наша полоса!

— Это ещё почему? — нахохлился Федька. — Вот наша изба! Значит, и берег тут — наш!

— А вон наше жильё! — Мальчишка указал на двухэтажный домик, с которого, собственно, и начиналась деревня.

— Хочешь по-честному? — предложил Федька. — Видишь тот кол?

Из песка как раз между их домами торчала жердина.

— До кола — твой участок, а от кола до камня — наш!

Откровенно говоря, Федька так и не понимал, зачем нужно проводить на берегу какие-то границы. Но, когда затронута честь, уступать нельзя!

— Какая тебе разница? — мирно спросил мальчишка. — Бери полосу вправо от кам-

ня — хоть до самого Петрограда!

— А там, небось, другие хозяева? — засомневался Федька.

— Там берег никто не делил!

— Честно?

— Честно!

Федька посмотрел на брата.

— Как? Не прогадаем, Карпыш?

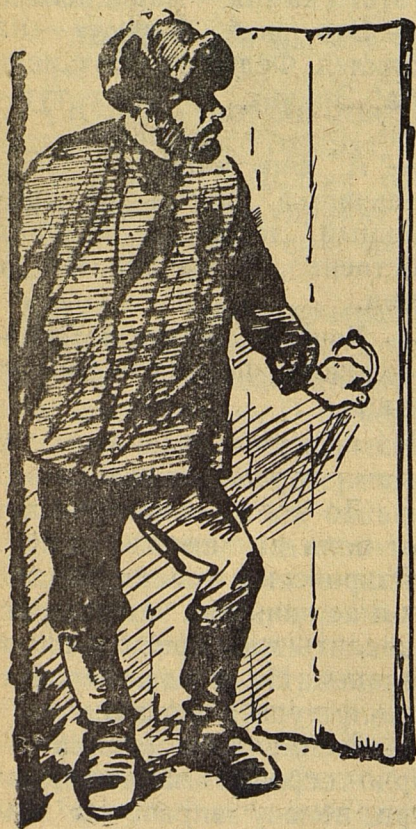
— Места хватит! — ответил Карпуха.

Федька протянул руку мальчишке.

— Договорились!

Тот быстро и крепко сжал ему пальцы.

— Спорить больше не будете?

— Слово! — отрезал Федька.

Младший из мальчишек улыбнулся:

— Деревня!

— Слово дано! — напомнил старший.

— Дано! — согласился Федька, чувствуя, что его всё-таки надули.

И тогда старший мальчишка объяснил с довольной улыбкой:

— Там берег обрывистый. Понял? Море ничего на песок не выбрасывает. А здесь после каждой бури... Смотри!

Он вытащил из кармана серебряную боцманскую дудку и потемневший от воды портсигар.

— Это только сегодня! А иногда целые матросские сундуки выкидывает!

— От утопленников! — неодобрительно сказал Карпуха.

— А ты откуда знаешь? — возразил мальчишка. — Корабль затонул, а команда на шлюпках спаслась!

— Если спаслась, тогда ты вор!

— Нам такого барахла не надо! — поддержал брата Федька.

— Нам бы — сена и муки! Нам, если хочешь знать, чекисты коня подарили! Кормить его нужно!

Как и рассчитывал Федька, эти слова произвели на мальчишек большое впечатление.

— Чекисты? — переспросил старший. — А за что?

— Значит, было за что! — важно ответил Федька. — Они нам целый вагон отвели, и по-

езд остановился не на станции, а напротив деревни, чтоб ближе было!

— Федька! Карпуха! — слышался голос матери.

— Ну, бывайте! — Федька кивнул мальчишкам. — Зовут нас. Ещё увидимся!

Когда братья подошли к дому, между матерью и отцом происходила на крыльце очередная перепалка.

— Чтоб во всей деревне да ни одного порядочного человека? — горячилась мать. — Не поверю! Язык у тебя суконный — не поняли тебя!

Отец пожал плечами:

— Сходи сама.

— И схожу! Будь спокоен! Ещё как схожу! Пустая не вернусь!

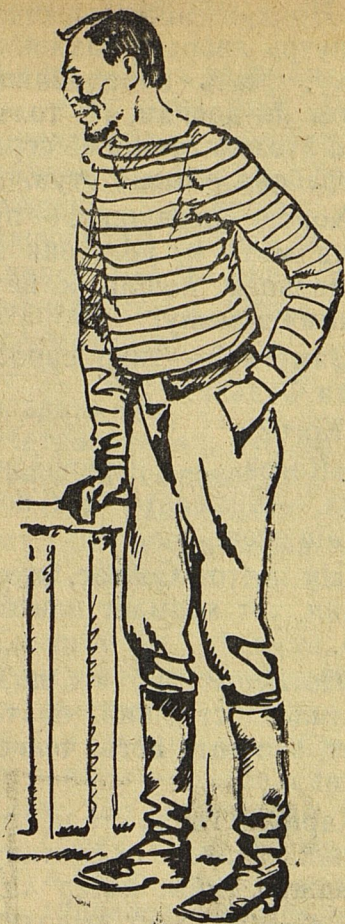
— Ну и сходи. Только ребята-то зачем тебе?

Мать окинула отца скептическим взглядом:

— Горе ты луковое! Неужто не понимаешь?.. Да чтоб видели, что я не какая-то приبلудная. Накрепко тут осела! Долг не пропадёт!

Она засеменила к деревне. Мальчишки послушно двинулись за ней.

Первый дом, к которому они подошли, был обнесён плотным, высоким забором. На запертой калитке вместо ручки висело железное кольцо. Мать решительно постучала этим кольцом. За забором яростно залаяла собака. Было слышно, как она прыгает на калитку и скребёт когтями по дереву, готовая разорвать непрошенных гостей. Но мать продолжала громыхать кольцом, пока чей-

то голос не заставил замолчать пса.

Калитку открыл пожилой грузный мужчина, в сатиновой рубахе навыпуск, в зимней шапке, надвинутой на самые глаза.

— Чего надо? — спросил он.

— Мы — ваши новые соседи, — сказала мать. — Поселились в доме Куприяна Дорохова — царство ему небесное!

— Чего надо? — прежним безразличным тоном повторил мужчина.

— Заладил одно и то же! — вспыхнула мать. — Я же говорю: мы — соседи! Поселились...

Мужчина не стал её слу-

шать. Прихрамывая, он отступил внутрь двора и захлопнул калитку. Мать забарабанила кольцом по доскам, но только собака отозвалась на её сердитый, требовательный стук.

— Хорош соседка! — произнесла мать и, погрозив забору пальцем, пошла к двухэтажному домику.

— Заметил? — тихо спросил у брата Федька.

— Кого?

— «Кого?» — передразнил Федька. — Хромает — вот кого! Как наш отец!

— Ну и что? Сейчас, кто не в армии, тот хромает или безрукий.

— Поглупел ты, что ли? — возмутился старший брат. — Может, это тот, кого чекисты искали!

У Карпухи глаза стали круглые, как пятаки. Он споткнулся, поджал губы, потёр ладонью нос, протяжно выдохнул:

— Ве-рно-о!

Оглушённые неожиданной догадкой, мальчишки молча вошли за матерью через распахнутые ворота во двор двухэтажного домика. Он был какой-то смешной, игрушечный. Положили на землю один кубик — получился первый этаж. На него поставили ещё один кубик — второй этаж. На самом верху торчал из крыши третий, крохотный кубик — труба. В деревне этот дом все почему-то называли флигелем.

Занятые своими мыслями, мальчишки не сразу догадались, что это и есть тот самый дом, где жили два брата, с ко-

торыми они встретились на берегу залива.

Занавеска на окне в первом этаже колыхнулась. На крыльцо вышел матрос — высокий, хилый, болезненный на вид. Тельняшка не облегала грудь, а висела на плечах. Брюки были заправлены в русские сапоги. На подбородке чернела редкая борода. В глазах светилось добродушное любопытство.

— Здравствуй, кума! — шуточно поздоровался он с матерью.

— Кума не кума, а соседка, — поправила его мать.

— То-то, я смотрю, задымила заброшенная посудина! — Матрос взглянул на дом Дороховых. — С чем пожаловала? За сеном?

— Муж уже был? — спросила мать.

— Нет. Мальчишки мои про вашу нужду рассказывали.

Теперь Федька с Карпухой сообразили, что это за дом. А мать, обрадованная тёплым приёмом, затараторила вовсю. Матрос не перебивал её. Она рассказала и о пожаре, и о Куприяне, и о переезде, пропустив лишь то, что их задержали по дороге.

Вышла смуглая, красивая женщина и пригласила всех в дом.

Комната была квадратной. В трёх стенах — по окну, в четвёртой — дверь. В углу — печь, в другом — кровать за ситцевой занавеской. В центре стол. Лестница, похожая на корабельный трап, вела на второй этаж.

— Зовёшь, а стол пустой! — сказал матрос жене.

— Эта беда поправимая! — ответила женщина и пошла к печке.

Мальчишки с любопытством разглядывали комнату и особенно лестницу. Очень им хотелось забраться на второй этаж. Оттуда видно, наверно, чуть не до Питера! Но матрос и им нашёл работу.

— Команду такую знаете? — спросил он. — Свистать всех

наверх!.. Гребите к дому за отцом!

Когда ребята вернулись с отцом, стол уже был накрыт. Стояла бутылъ самогона. На тарелках — огурцы, горячая картошка, вяленая рыба. Мальчишкам налили по кружке квасу. Ребята попробовали, пощептались, и Федька спросил у матроса:

— А где эти-то!.. Не знаем, как звать их...

Матрос понял, что он спрашивает про сыновей.

— Они распорядок соблюдают. До обеда дома делать нечего! Закаляются на воздухе.

Самогон был крепкий. Хозяева гостеприимны. Познакомились быстро и прочно. Матрос — звали его Семёном Егоровичем — оказался одним из тех, кто штурмовал Красную Горку. Там он получил пулю в грудь навылет, еле выжил, списался с флота подчи-

стю, но с морем расстаться не мог. Купил флигелёк на берегу и решил заняться сельским хозяйством. К весне думал обзавестись лошадью.

Заговорив о лошади, Семён Егорович подмигнул отцу:

— Тебе подфартило! Одно не пойму — лошадь подарили, а о корме не подумали!

Чуть захмелевший отец улынулся:

— Ты, Семён Егорыч, что моя жёнушка!.. Не много ли хочешь?

— Почему много? — возразил матрос. — Смотря за какие заслуги... Может, наоборот — мало!

Отец замялся, а мать сказала:

— Куда там! Чепуха! Стыдно и рассказывать!

— Стыдно, так и не говори-те!.. А сена я вам дам. Ну и харчей подкину по-соседски. Есть у меня запасец.

Отец растроганно пожал руку Семёну Егоровичу, а мать взяла его жену за локоть и чмокнула в щёку.

Потом заговорили о земле. В земельных делах Семён Егорович разбирался прекрасно. По его словам выходило так, что Дороховы могут получить любой участок. Забирай и обрабатывай. И по тому, какой участок ты обрабатываешь, определяется твоё отношение к Советской власти. Если большой — молодец, если маленький, с которого только свою семью прокормить можно, — чуждый ты элемент.

Мальчишки не сразу поняли, в чём тут загвоздка. А оказа-

лось просто: по закону о продразвёрстке каждому крестьянину после сбора урожая государство оставляло лишь столько хлеба и других продуктов, сколько требовалось на семью, а всё остальное забиралось для армии и города.

— Несознательные так рассчитывают, — объяснял Семён Егорович, — чтобы никаких излишков у них не было. Или прячут. Да без толку прятать — заградиловка! Чуть куда повезёшь хлеб или картошку — тебя заградотряд и зацапает, да к стеночке за спекуляцию!

— А ведь получается, — задумчиво произнёс отец, — что и я, вроде, несознательный... Зачем мне большой участок, если всё так оборачивается?

— Брось, сосед! — строго сказал Семён Егорович. — В городе тоже хлебом дышат! Там тоже не буржуи, а люди живут! Кормить их надо!.. Человеком будь, а не таким, как Бугасов!

— Кто такой? — спросил отец.

— Да есть тут... Рядом живёт. Отгородился забором, собакой обзавёлся! Жену с детишками куда-то отправил, а сам как паук хромоногий!

— И верно — паук! — подхватила мать. — И глаза паучьи!

— Слышишь? — шепнул Карпуха брату.

— А кто первый догадался? — ответил Федька.

Мальчишки выпили квас, съели всё, что положила им

смуглая хозяйка, и вышли из-за стола. Их притягивала к себе похожая на трап лестница. Никто не обращал на них внимания, и совсем неожиданно Семён Егорович сказал:

— Ну, подымитесь, раз уж такая охота!

Верхняя комната имела четыре окна — смотри в любую сторону. Фонарь, а не комната. В одном окне — залив и Кронштадт. Отсюда остров казался сказочным кораблём великанов, которые погрузили на него целый собор и везут к берегу.

В другом окне виднелся дом Дороховых и камень в воде. На нём сидели мальчишки.

— Это ж они! — воскликнул Карпуха.

— Нас поджидают! — улыбнулся Федька. — Не знают, что мы у них в гостях!

— Позовём? — предложил Карпуха.

— Далеко — не услышат.

Третье окно выходило на деревню, а четвёртое — на лесистый холм. Из этого окна был хорошо виден весь двор хромого Бугасова. Мальчишки прильнули к стеклу. Хозяин понуро сидел на чурбане, вокруг которого желтела груда только что расколотых дров.

— На зиму запасает, гад! — сказал Карпуха. — Знаешь что? Давай завтра махнём в Рамбов к дяде Васе!

— А вдруг не гад?

— Ты ж сам сказал!

— Проверить надо.

— А как?

— Придумаем что-нибудь!

К Бугасову подбежала со-

бака, ткнулась мордой в колени. Хозяин запустил пальцы в её шерсть и застыл в этой позе, точно заснул.

ВЕРЕСК — ДЕРЕВО ПОЛЕЗНОЕ

С того дня Бугасов попал под негласный надзор двух пар острых глаз. Наблюдать было нетрудно. Из окон дома Дороховых хорошо видна калитка с железным кольцом. А с чердака, на котором мальчишки решили ночевать до морозов, виднелось и крыльцо дома Бугасова.

Удивлялись братья: к нему часто заходили деревенские мужики, а он ещё ни разу не вышел за калитку. Но однажды к вечеру Бугасов с лопатой, мешком и широкой доской хромал в сторону холма.

— Сейчас мы его накроем! — сказал Федька, и братья, наскоро одевшись, выскочили на улицу.

Пробегая мимо знакомого забора, они увидели на калитке большой амбарный замок. А Бугасов был уже далеко. Его зимняя шапка мелькала в низкорослом кустарнике на склоне холма. Пока ребята добирались до этого кустарника, Бугасов скрылся в лесу.

— Хромой, а пряткий! — прошептал Карпуха.

— Догоним! — ответил Федька.

Под ногами зашуршали опавшие листья. Идти пришлось медленно, чтобы не шуметь. Мальчишки долго бродили меж деревьев, пока не

услышали скрежет лопаты о камни. Бугасов копал яму.

Братья залегли в кустах и, затаив дыхание, ждали, что он достанет из земли. Ведь (недаром с собой у него мешок! А он копал и копал, и не яму, а ров вокруг густого куста можжевельника.

— Место плохо приметил! — догадался Карпуха. — Забыл где...

Федька не ответил, лишь строго взглянул на брата.

Когда ровик стал довольно глубоким, Бугасов отложил лопату, взял доску и подсунул её под корни можжевельника. Куст качнулся, двинулся кверху и с комом земли целиком вышел из ямы. Бугасов спихнул его с доски корнями в мешок и присел отдохнуть.

Ребята лежали в кустах и уже без всякого интереса следили за тем, как он сворачивает махорочную самокрутку.

Послышалось шуршанье листьев, и к Бугасову подошёл один из деревенских мужиков. Они поздоровались.

— Вересок промышляешь?

— Вереск — дерево полезное! — ответил Бугасов. — Хочу у себя посадить. Люблю, чтобы всячина во дворе росла.

— Люди о хлебе, а ты...

— О хлебе пусть Советы пекутся!

— Да уж напеклись — дальше ехать некуда! Тупик!

— Найдётся дорожка! — хрипло сказал Бугасов. — На развёрстке и заградиловке никакая власть долго не устоит.

Он выговорил эти слова с такой злобой, что мальчишкам стало страшно. Федька потянул Карпуху за рукав, и они потихоньку вылезли из кустов, отползли шагов на двадцать, вскочили на ноги и бежали, пока лес не остался позади.

— Вот это вражина! — всё ещё шёпотом произнёс Карпуха. — И чего он так на Советскую власть взъелся? Хуже, что ли, стало?

— Дурак! — буркнул Федька.

Карпуха не рассердился. Ему хотелось разобраться во всём, и он спросил:

— Ты... царя помнишь?

— Ещё как! — усмехнулся Федька. — Вместе за грибами ходили!

Вот теперь Карпуха обиделся:

— Иди ты!.. Ему — серьёзно, а он...

— А ты не спрашивай по-глупому! — ответил Федька. — Откуда мне царя помнить?.. Жрать было нечего — это помню... Помню ещё, как отца в кровь били... Сапогами!

— За что?

— Не знаю...

— Ничего ты не знаешь!

— Что надо — знаю!

— А что надо?

— Знаю, что я за Советы! А ты?

— За кого же ещё?

— Вот и всё! Больше ничего и знать не надо! А кто против — враг. Завтра же катанём в Ораниенбаум — расскажем дяде Васе!

— Может, вперёд отцу или мамке?

— Нельзя! Они тогда не пустят — сами захотят съездить!

Довод был убедительный, и Карпуха согласился с Федькой.

Прежде чем идти домой, братья заглянули на берег залива. Садилось солнце, осеннее, холодное. Вода казалась бронзовой. Камень отбрасывал длинную тень. На его вершине опять сидели сыновья Семёна Егоровича. Нравилось мальчишкам это уединённое место.

Братья Дороховы уже подружились с ними. Старшего звали Гришей, а младшего — Яшей. Вставали они очень рано. Дороховы, выходя по утрам из дома, всегда видели их где-нибудь на берегу. Здесь они проводили весь день, пока

не становилось совсем темно. Даже в плохую погоду они не уходили домой. Чаще всего Дороховы заставляли их на камне.

Сначала Федька с Карпухой думали, что мальчишки поджидают их. Но потом они заметили, что Гриша с Яшей всегда сидят лицом к заливу. Так не ждут приятелей. И тогда Дороховы догадались: добычу караулят, высматривают, не прийдёт ли что-нибудь волнами.

Федька с Карпухой тихо подкрались по песку к берегу. Цепочка скользких валунов, чуть возвышавшихся над водой, вела к камню. Гриша с Яшей сидели бок о бок в одинаковой позе: ноги согнуты, колени приподняты, локти на коленях, подбородок на руках, а взгляд устремлен куда-то вдаль.

— Эй! — крикнул Федька. — Заснули? Свалитесь ещё!

Мальчишки вздрогнули и обернулись. И лица у них были какие-то не по-детски печальные.

— Что кислые? — спросил Федька. — Улов плохой? Ничего не приплыло?

— Забирайтесь к нам, — сказал Гриша, не ответив на Федькины насмешливые вопросы.

Прыгая с валуна на валун, Дороховы добрались до камня и залезли на него.

— Пусто, значит? — поддразнивая, снова спросил Федька.

— Бури не было, — вздох-

нул Гриша. — Это только после бури...

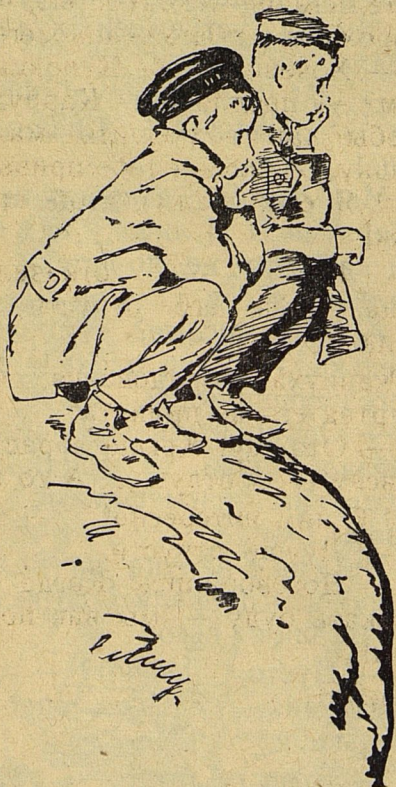
— А у нас есть кое-что! — с таинственным видом сообщил Карпуха. — Бугасов-то...

— Подожди! Я расскажу! — прервал его брат. — До чего дошёл, жадюга! Деревья в лесу выкапывает — и к себе, во двор!

Карпуха понял, что Федька не хочет делиться секретом с ребятами и добавил:

— Хромой, а сильный! Большую вересину с корнем выдрал!

Мальчишек Бугасов не интересовал. Они ещё не расстались со своими невесёлыми мыслями, прерванными приходом Дороховых. Все замолчали. Побулькивала вода внизу у камня.

— Когда долго смотришь в море, — сказал Яша, — так и кажется, что плывёшь вместе с камнем от берега... Всё дальше, дальше... А если волны большие, то прямо несёшься, как на парусах! И думаешь — сзади и земли уже не видно. А обернёшься — она тут, никуда не делась. И не отплыл ни на шаг.

— Чего выдумал! — засмеялся Карпуха. — С камнем только на дно ныряют. Возьми лодку и шпарь! Грести-то умеешь?

— Да умею... А всё равно не уплыть.

Федьке надоели эти унылые разговоры. Он зевнул.

— По домам, что ли?

— Нам ещё рано, — отозвался Гриша. — Ужин через час.

— Пошли к нам! — предложил Карпуха. — Купрю покажем!

Дороховы не раз приглашали мальчишек к себе, но те всё отказывались почему-то. А сегодня они вдруг согласились.

У дома Дороховых уже был сколочен навес, под которым стоял Прошка. Рядом лежала груда брёвен и досок для настоящей конюшни. Весь этот строительный материал помог достать Семён Егорович.

— Добрый у вас отец! — сказал Федька, когда они проходили мимо навеса.

— Хороший, — согласился Гриша.

В тёмных сенях Федька крикнул:

— Мам! Это мы!

Ребята, не заходя в комна-

ту, поднялись по лестнице на чердак.

Там было очень уютно и как-то необычно, потому что горел разноцветный железно-дорожный фонарь. Одно стекло в нём красное, другое — жёлтое, а третье — зелёное. Оттого и весь чердак казался праздничным и немножко смешным. Он состоял из трех частей, и в каждой части был свой свет.

Купря сидел на жёрдочке в красном отсеке. Нога у него окрепла, и крыло почти зажило. Он встретил ребят тройным карканьем. Глаза горели, как красные бусинки. Карпуха протянул к нему руку:

— Иди ко мне, Купря! Иди!

Ворон соскочил к нему на ладонь и быстро перебрался по руке на плечо.

— Дрессированный! — удивился Яша. — А ко мне пойдёт?

— Попробуй! — разрешил Карпуха.

Яша протянул руку:

— Иди ко мне! Иди!

Купря вцепился клювом в Карпухины волосы, точно боялся, что его силой снимут с плеча хозяина. А Яша всё тянул к нему руку.

— Что это у тебя? — спросил Карпуха и даже присвистнул.

На Яшиной руке, высунувшейся из рукава, виднелись багровые рубцы. Мальчишка быстро одёрнул рукав и потупился.

— Сам виноват, — ответил за брата Гриша. — Заслужил.

— Это кто же? Отец? — нахмурился Федька.

— Кому ж ещё? — Гриша обнял брата за плечи. — Пройдёт!

Дороховых поразили эти багровые рубцы на руке. Яшку били не ремнем, — ремень таких следов не оставляет.

— Вот уж не думал, — произнёс Федька. — На вашего отца это не похоже!

— Отец у нас хороший, — повторил Гриша. — Яшка сам виноват. Верно, Яша?

Младший брат кивнул головой.

— Ну уж тогда крепко ты ему насолил! — сказал Карпуха.

— Насолил, — согласился Яша с такой покорностью, что Дороховым стало жалко его.

— Хочешь я тебе Купрю отдам? — предложил Карпуха, чтобы как-то утешить мальчишку. — Он и к тебе привыкнет! Я ему скажу, чтоб привык!

— Нет! — отказался Яша. — Ты его отпусти на волю.

Карпуха обрадовался, что жертва его не принята.

— Отпущу! Крыло зарастёт совсем — и отпущу... А то бери! С ним интересно!

— Лучше отпусти.

— Договорились! Когда отпускать буду — мы вас позовём!..

(Продолжение следует)

В 1941 году появилась в школе № 1 города Череповца необычная стенная газета. Со стихами, с цветными картинками, но без бумаги, без чернил и без красок. Вы спросите: как же так? А вот как.

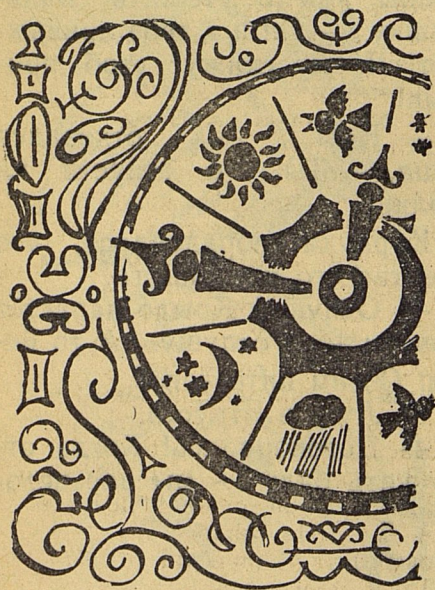
Возле раздевалки поставили чёрную классную доску. Каждый день подходил к ней мальчик и цветными мелками рисовал карикатуры и просто весёлые сценки из школьной жизни, а девочка подписывала под ними стихи. И так каждый день. В течение двух лет.

Газета называлась «Молния» и делалась по горячим следам школьных событий. Работать нужно было быстро и чётко. К моменту окончания школы девочка — Нора Яворская — научилась писать быстро и хорошо. Конечно, она мечтала стать поэтессой.

Но случилось непредвиденное: оканчивая в Москве институт, Нора Яворская не поверила в свои силы, отказалась от осуществления мечты и перестала писать стихи. Семь лет для неё, как для поэта, пропали даром, за это время она не написала ни строчки. Но, очевидно, стихи постоянно жили в ней, а мечта подсказывала, что нужно не ждать чего-то, а бороться, смелее идти по однажды выбранному пути. И после семилетнего молчания поэтесса снова вернулась к творчеству.

В 1962 году вышел сборник её стихов «Здесь моё счастье». За ним последовало около десятка книжек переводов с эстонского языка для детей. Сейчас в издательстве «Советский писатель» выходит новая книжка Норы Робертовны Яворской — «Движение».

Нора ЯВОРСКАЯ

Рисунки Ю. Бочкарёва

Сегодня

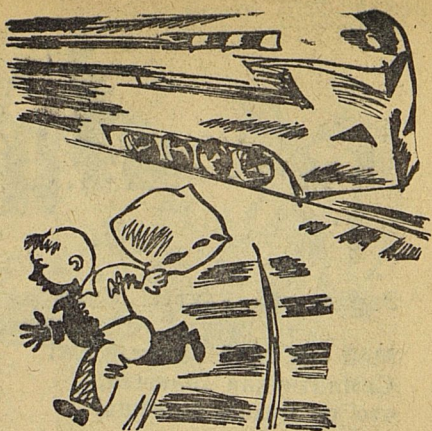
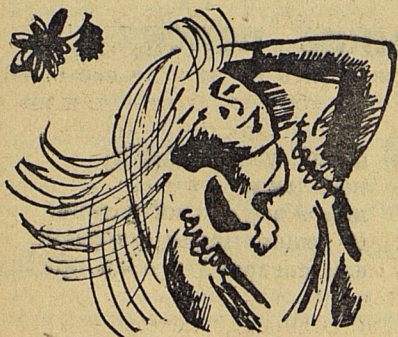
Живу в моем «сегодня»,
как на цветке пчела.
«Сегодня» — это сходни
меж «завтра» и «вчера».
А может, это мостик
меж странных берегов,
меж «до» и «после», —
в гости
лишь несколько шагов.
Но берега — как смыло,
ни встать на них, ни сесть, —
тот — «будет», этот — «было»
и только мостик — «есть».
Я по нему шагаю
и по нему — опять,
а сколько — не считаю,
мне боязно считать.
Пока шагаю,
темя
мне солнышко печёт,
а под ногами
время
тихонечко течёт.

Ветер

Свежий ветер,
ветер с моря!
Кто ты,
радость или горе?
Может,
спелый виноград
будет
ветру не рад?
Может,
катер у причала
охнет:

«Ишь как
раскачало!»

Я стою
на горе
в золотой своей
поре.
Мне от ветра
что за вред?
Мне вреда
от ветра нет.
Словно море,
словно сушу,
ты мою
проветри душу.
Чтобы в ней
не осталась
ни грусть,
ни усталость.
Ни тоска,
что сердце режет...
Только свежесть,
только свежесть.

В поезде

(ШУТКА)

Даётся отправление.
В поезде волнение,
и толкотня, и толки.
Занимаем полки:
кто — в мягком, кто — в жёстком,
кто — в скромном, кто —
в броском,
кто — сверху, кто — внизу...
Нас — как сосен в лесу.
Езда не без риска,
ехать не близко:
не в Торжок, не в Тюмень —
едем в «Завтрашний день».
Но кто-то слез без вызова
на станции «Подлизово».
Потом исчез один-другой
на сонной станции «Покой».
И кто-то прыгнул живо
на станции «Нажива».
И кто-то шмыгнул к двери
на станции «Неверие».
И кому-то слаще рая
полустанок «Хата с краю».
Остальные — кремь:
едем в «Завтрашний день»!
Клим шторку отодвинул.
Василий карту вынул:
«Здесь — Торжок, там — Тюмень.
Где же «Завтрашний день?»»
А ему: «Не гляди,
он всегда — впереди!
Такое положение:
нам — вечное движение».

Кактус

Здравствуй, кактус! Милый
злючка!

Мой смешной зеленый ёж!
Симпатичная колючка,
что ты букою живёшь?

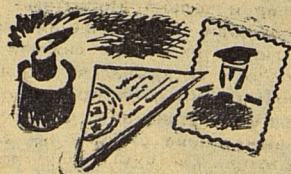
По какой такой причине
на тебе шипов не счесть?
Не с того ли, что в пустыне
все тебя желали съесть?

И осёл с тупою мордой
закусить хотел тобой,
и верблюд, мудрец двугорбый
с отвисающей губой.

От обиды, от испуга
ты колючками оброс.
И теперь врага и друга
без разбору колешь в нос.

Не коли меня, не надо!
Прикоснуться дай рукой.
Как ни странно, очень рада
я общению с тобой.

Я не трону недотрогу, —
я хочу тебя обнять.
И колючки понемногу
станут листьями опять.

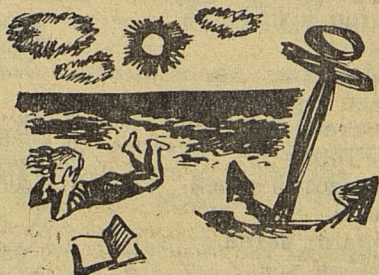

Мама пенсию получает.
Деньги ей почтальон вручает.
«Распишитесь вот здесь», —
поучает.
Маму
пенсия выручает.
Эта пенсия —
персональная,
эта пенсия —
за отца.

Возле моря

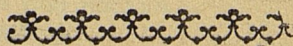
Пускай меня теперь дела догонят!
Сбежала я, как девочка, из дома.
Я взвешиваю море на ладонях
и хохочу, — оно ведь невесомо
и вовсе не сложнее водопровода.
Испортится — раз-два и починила.
С тобою не вражду я, природа,
мне кажется, тебя я подчинила.

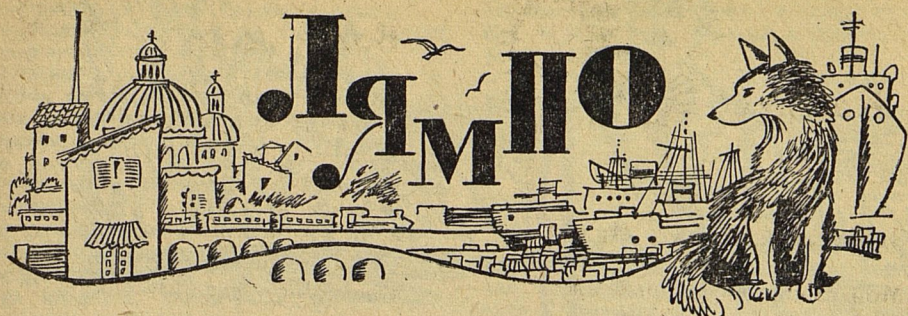

И солнышко, воздушный жёлтый
шарик,
я дёргаю за тонкий лучик храбро.
А ветер в закоулках сердца
шарит,
грусть выметая, словно мусор
швабра.
Сегодня у меня задора пропасть.
Облокотясь о каменную тушу,
я с вызовом заглядываю
в пропасть,
как в чью-то неразгаданную
душу.

Мамина пенсия

Мама деньги берёт,
печальная,
долго держит их у лица.
И прикидывает привычно,
как состряпать обед приличный.

Теперь начальник станции не испытал ни малейшей растерянности. Он знал, что делать. Сел к телефону и начал всех обзванивать. В Турине собаку никто не видел. Ничего не знали о ней также ни в Салаццо, ни в Савноне, ни в Генуе. Диспетчеры, которым звонил незнакомый коллега с маленькой станции, были удивлены. «Какая собака? О чём речь?» — переспрашивали они. Некоторые из них не могли удержаться от шуточек и насмешек. А кое-кто просто вешал трубку, не пускаясь в разговоры.

Однако начальник станции не сдавался. Когда он убедился, что на станциях к северу от Мариттимы Лямпо нечего искать, он стал звонить на станции, расположенные к югу.

Начальник совсем измучился, но не переставал звонить. Последний раз он снял трубку и вызвал Рим. Усталым голосом повторил свой вопрос. И тогда дежурный из Рима спросил:

— А как выглядит этот Лямпо?

— У него светлая полоса на спине, — волнуясь, пояснил мариттимский железнодорожник и как можно подробнее описал все его приметы.

— Это он! — рассмеялся голос в трубке. — Здесь. Сидит у нас в диспетчерской. Сам заявился сюда. Ну, мы его накормили, разумеется.

— Большое спасибо! — обрадовался начальник станции Мариттима. Если бы он мог, то обнял бы в этот момент своего далекого абонента. — Вы, пожалуйста, посадите его в скорый поезд, идущий к Турину.

— Будет сделано! — пообещал коллега на другом конце провода. — Можете быть спокойны. Вы получите своего приятеля. Только откуда собака знает, где ей выходить?

— Знает. Думаю, что знает, — ответил начальник.

— Ну что ж, хорошо. Отправлю к вам пса, хотя охотно оставил бы его у себя. — И Рим отключился.

Окончание. Начало в «Искорке» № 4 за 1968 г.

10.

ВЕСТЬ о необыкновенной собаке стала кружить по всей Италии. И не удивительно. Отдохнув несколько недель, Лямпо снова начал путешествовать. И трудно было запретить ему это. Впрочем, он умел выбрать момент, когда на него обращали меньше всего внимания. Тогда он вскакивал в поезд и уезжал. На многих самых отдалённых вокзалах железнодорожники уже знали и его, и то, что пёс-путешественник — из Мариттимы. Маленькая станция, о существовании которой до той поры ведали немногие, стала теперь знаменитой на всю страну.

— Приехал! — звонили туда её начальнику коллеги из разных мест, расположенных вдоль железнодорожной магистрали.

— Можете быть спокойны за него. Покормим и отошлем.

Но не всегда собаку сажали в поезд. Далеко не всем хотелось расставаться с ней. Один железнодорожник из Раппало возмел желание просто-напросто присвоить её. Однако Лямпо сбежал от него и вернулся в Мариттиму. Никакая сила не могла бы удержать его в чужом городе. Мариттима и только Мариттима была его домом, а люди с этой станции — его семьёй. Он любил их, и они любили его. Может, Лямпо и догадывался, что доставляет им порою хлопоты, но при этом он знал, что они не могут на него сердиться.

Дети начальника станции не раз приезжали к отцу. Он ухмылялся, потому что прекрасно понимал, зачем они это делают. Джина гуляла тогда с собакой по перрону, а счастливый Роберто смеялся так звонко, как никогда не смеялся дома.

Как-то в Мариттиму позвонил корреспондент одной газеты.

— Это у вас там чудо-пёс? — спросил он.

— Лямпо? — рассмеялся начальник станции. — У нас.

— Разрешите, я приеду к вам...

На другой день репортёр приехал, вооружённый фотоаппаратом и толстым

блочнотом. Он сделал несколько снимков, а потом долго беседовал с начальником станции о приключениях Лямпо, записывая всё в блокнот. Через два дня в газете появился очень интересный репортаж, посвящённый путешествиям Лямпо, и были опубликованы его фотографии.

«Лямпо — прирождённый путешественник», — гласил заголовок.

«Он — гордость всей станции». Газета хвалила также железнодорожников. «Только люди с золотыми сердцами могут привязать к себе такую собаку, — писал автор репортажа. — Лямпо неизменно возвращается туда, где он чувствует себя лучше всего».

— Видишь, Лямпо, что ты натворил? — смеялись железнодорожники, прочитав газету. — Теперь даже в Турине о нас знают все.

Лямпо высунул язык. Он прерывисто дышал, потому что было жарко. Глядя на его морду, можно было подумать, что он смеётся. «Вот видите, на что я способен!» — словно говорили его хитрые блестящие глаза.

11.

— Это ты тот знаменитый Лямпо? — спросил кельнер вагона-ресторана. — Узнаю тебя по фотографии.

Скорый поезд отходил в это время от станции Сапри, которая находится далеко за Неаполем.

— Я очень рад, что ты пришёл ко мне, — снова подал голос кельнер.

Лямпо разрешил поласкать себя. Потом скромно сел на полу в коридоре. Кельнер принёс ему в тарелке кусок мяса.

«Никогда в жизни не видел я ещё такой собаки, — покрутил он головой. — Нас отделяет от этой его Маритимы почти тысяча километров. Каким же образом он сел в наш поезд? Ведь ему надо было делать пересадку не где-нибудь, а в Риме!..»

Лямпо закончил трапезу. Он подобрал оставшиеся крошки и аккуратно отодвинул тарелку. Дружески помахал хвостом и начал ластиться. Кельнер погладил его по голове.

— Чем ещё могу быть полезен синьору? — пошутил он. — Синьор меня понимает, надеюсь?.. А может быть, синьор хочет вздремнуть после обеда?

Кельнер отвёл Лямпо в своё служебное купе и сделал ему там подстилку. Потом тщательно закрыл дверь.

«Хотел бы я иметь такого пёсика, — подумал кельнер. — Да только где его держать? всю жизнь — в пути...»

Он вышел в коридор и стал у окна.

«Интересно, почему он ездит? — продолжал размышлять человек. И сам себе ответил: — Любит бывать в незнакомых городах». Но тут же понял, что такой ответ мало что объясняет.

«А может быть, он разыскивает своего прежнего хозяина? Никак не может забыть его — вот и ищет по всей стране. Это вполне правдоподобно...»

Кельнер задумался. Как и многих других, его очень заинтересовали мотивы необыкновенных путешествий удивительной собаки. Но кто мог с уверенностью дать им правильное истолкование?

«Возможно, он любит движение, — продолжал свои размышления кельнер. — Любит быстрый бег поезда и мерный стук колёс, доносящийся из-под пола вагона. Есть же собаки, которые совершают путешествия даже в ракетах».

Впрочем, кельнер знал, что они, эти собаки, не сами садятся в ракеты. Их посылают в космос люди... Как багаж...

— А Лямпо никто не посылал, — вслух, хотя и негромко, произнёс кельнер. — В том-то вся и загадка... Загадка, которую действительно очень трудно решить...

— Карло! — крикнул из глубины вагона повар. — Клиенты тебя ждут.

Кельнер отправился в обход между столиками вагона-ресторана, за которыми сидели проголодавшиеся пассажиры, и начал принимать заказы. Однако он был рассеян, как никогда... Все мысли его вращались только вокруг четвероногого бродяги-путешественника.

В Реджио, далеко на юге, там, где находится острый носок итальянского «сапога», поезд остановился. Кельнер, обслужив всех клиентов, вздохнул в облегчении. Он решил проведать пса.

Двери его служебного купе были открыты...

«Не закрыл как следует», — подумал кельнер, входя в купе. И вдруг почувствовал острое беспокойство. Собаки там не было.

Лямпо сошёл с поезда ещё в местечке Паола. Какие у него были намерения — неизвестно. Возможно, просто решил, что пора возвращаться домой?

Некоторое время он кружил по станции. Никто не обращал на него особого внимания. Видимо, в Паоле о нём ещё не слышали. Даже о выдающихся людях не все и не везде знают, а что уж говорить о собаке.

Лямпо спокойно дожидался поезда. И инстинкт не обманул его — ему удалось попасть именно на тот перрон, от которого уходил поезд в северном направлении. Этот поезд ожидало множество пассажиров. Когда он подошёл, у вагонов образовалась толча. Лямпо пытался проскользнуть вместе с пассажирами, но его отталкивали. Наконец, когда поезд уже трогался, ему удалось прыгнуть на подножку. Но в этот момент он почувствовал ужасную боль. Автоматические двери вагона захлопнулись и сжали его, словно клещами.

Лямпо был так ошеломлен, что не мог выдать из себя ни звука.

— Собака! — крикнула какая-то синьорина. — Посмотрите, что с ней делается. Она же задохнется!

Лямпо свесил голову. Из глаз у него бежали слёзы.

— На помощь! — крикнула та же дама. — Остановите поезд!

Какой-то пассажир, находившийся в глубине вагона и не знавший толком, что случилось, дернул ручку стоп-крана. Поезд остановился.

Началось замешательство. Сбежались кондуктора, чтобы выяснить, в чём дело. Пассажир, остановивший поезд, вытирал со лба пот и оправдывался:

— Ведь кто-то же крикнул: «На помощь!» Вот я с самыми добрыми намерениями и дернул стоп-кран.

— Речь шла о собаке, — пояснила дама. — О какой собаке?

Все посмотрели вокруг.

— Нет её.

— Заплатите штраф, — сказал кондуктор.

В ответ раздался возбуждённый голос. Началась перебранка с кондукторами. Как и в других странах, в Италии тоже умеют ругаться...

О пострадавшей собаке — виновнице происшествия — все забыли.

12.

У Лямпо были сломаны два ребра и лапа. В тот момент, когда поезд затормозил, а двери раздвинулись, он упал на пути и скатился с крутой насыпи. Из последних сил подполз к кустам, растущим вдоль кювета, забрался под их ветви. Вот почему никто из пассажиров поезда не заметил его.

Часа через два его обнаружила какая-то крестьянка, которая погоняла осла. Она как раз присела отдохнуть возле кустов, где укрылся Лямпо.

— Кто же это тебя так выпотрошил, бедняжка? — спросила она с состраданием и осторожно дотронулась до собаки. Лямпо смотрел ей в глаза, словно прося о помощи. Крестьянка оглядела его раны.

И вдруг она почувствовала такую жалость к несчастному животному, что едва не расплакалась. Крестьянка осторожно подняла Лямпо и положила его в большую корзину, прикрепленную к спине ослика.

— Теперь-то уж мой Пьетро тобой займётся, — сказала она. Муж её был овчаром и костоправом.

13.

Сперва начальник станции не тревожился, когда Лямпо опять исчез. Не раз ведь уже случалось такое. Знал начальник, что, как бы далеко ни уехал Лямпо, через несколько дней он непременно возвращался. Но когда после очередного его исчезновения минула неделя, начальник всерьёз обеспокоился.

Несколько раз звонил он своим коллегам на разные станции, но ни на одной из них Лямпо не видели.

— Его могли украсть и увезти бог знает куда, — ворчал буфетчик. Этот человек всё видел в чёрном свете.

— Да, могли и украсть, — вздыхали железнодорожники. Они ходили опечаленные и внимательно присматривались ко всем проезжавшим поездам.

— У меня есть предложение, — сказал однажды заместитель начальника станции. — Давайте обратимся за помощью к нашему знакомому репортёру. Не можем же мы без конца звонить на все вокзалы. А если сообщение об исчезновении собаки появится в газете, то его прочитают не одни железнодорожники.

Начальник станции воспользовался советом коллеги и позвонил в редакцию. Через несколько дней в газете появилось сообщение о том, что знаменитый Лямпо пропал, и была напечатана его фотография.

Но всё было напрасно. Ни один номер газеты не попал в маленькую деревушку на юге Италии. Да, впрочем, старики, которые приютили Лямпо, и не читали газет...

Пришла весна. Пришла как-то сразу, буйно, как обычно бывает в Калабрии. Зазеленели деревья, а кусты миндаля и магнолии покрылись пеной розовых цветов.

Лямпо уже полностью восстановил свои силы. Целыми днями он либо отлёживался на солнце, либо бродил по двору. Всё такой же печальный и безразличный.

— Странное ты создание, — ворчал на него старик. — Тебе прыгать надо, как собаке, а ты ползаешь, как улитка. Ведь лапа-то у тебя не болит больше?

Лямпо клал голову на колени старику и смотрел ему в глаза.

— И что тебя гнетёт? — допытывался овчар. — Не горюй, теперь не погибнешь. Если бы я знал, что с тобой, так помог бы. Да вот не знаю...

Старик подозревал, однако, что пёс может скучать по прежнему своему хозяину. И потому он не удивился, когда в один из дней Лямпо исчез и больше не появлялся.

— Ну что ж! — сказал старик. — Видно, так суждено. По правде говоря, я ожидал этого...

14.

Начальник станции сидел в кабинете, когда туда вошел Лямпо и неслышно приблизился к столу. Он ткнулся влажным носом в руку хозяина и сел возле его ног. Лямпо дрожал всем телом.

— Лямпо! — прошептал человек. Как и собака, он не мог выдать из себя более громкого звука. Сердце его kloкотало...

Через несколько минут о возвращении Лямпо знала уже вся станция. Железнодорожники сгрудились в маленькой комнате и передавали своего любимца из рук в руки.

— Как он отошел! — охал буфетчик.

Кое-кто вытирал украдкой слёзы. Лямпо наконец пришёл в себя и начал прыгать. Он бегал от приятеля к приятелю, лаял и визжал от радости.

— Ну, будешь рассказывать о своих приключениях? — смеялись люди. — Эх, дружище, если бы ты умел говорить!..

Вечером начальник станции отвёз собаку в Пиомбино.

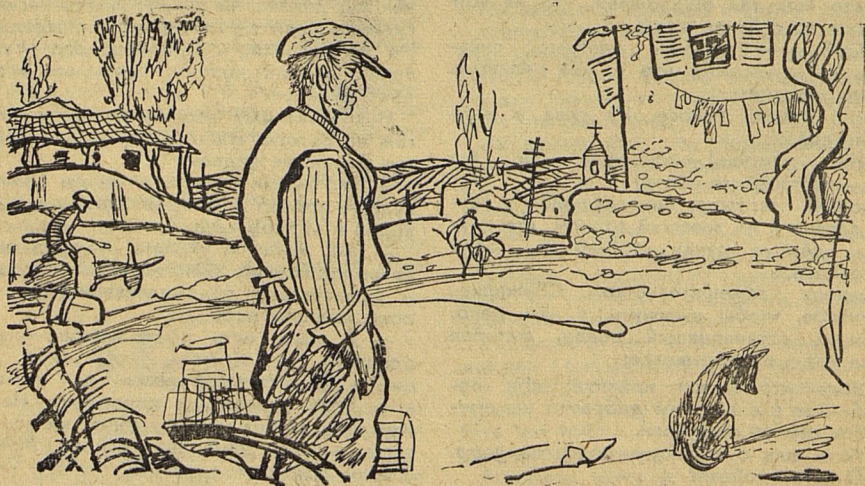
Роберто, играя с Лямпо, заметил у него утолщение на одной из лап. Показал это отцу.

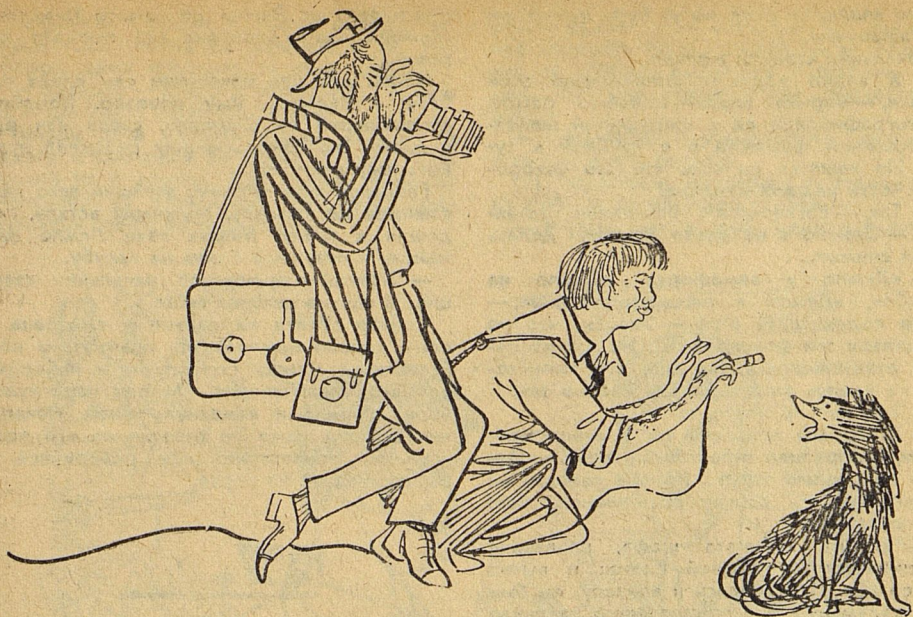
— След перелома, — сказал тот, внимательно осмотрев лапу. — Теперь я понимаю, почему его не было так долго.

На другой день на станцию Мариттима приехал незнакомый железнодорожник. Как выяснилось, это он привёз накануне Лямпо на поезде.

— Я знал, что это ваша собака, — сказал железнодорожник начальнику станции. — Вот и посадил её тут. Да только хотелось бы ещё разок увидеть её. У меня сегодня выходной день, вот и заехал...

Он рассказал, что собаку передал ему коллега, который приехал далеко с юга. Когда-то он, тот коллега, слышал о несчастном случае с собакой и помнил её по предыдущим поездкам. Потом совсем о ней забыл, но сразу же узнал её, когда неделю назад Лямпо начал посещать вокзалы в Реджио, Пальми, Паоле и Сапри. Пёс брёл от одной станции к другой, словно отыскивая чей-то след. Наконец он наткнулся на поезд, идущий в Рим. Тогда его вспомнил кельнер из вагона-ресторана. Он-то и посоветовал кондуктору переса-

дить собаку в Риме на туринский поезд.

— А где же произошёл с Лямпо тот несчастный случай? — спросил начальник станции.

— В Пальми или Реджио. Точно не знаю, — ответил железнодорожник. — Во всяком случае, далеко отсюда...

Гость поиграл с Лямпо, посидел ещё часок и уехал. В тот же самый день позвонил знакомый репортёр, который уже знал о возвращении маленького странника.

«Лямпо, который всегда возвращается», — гласил заголовок статьи. Возвращения Лямпо с далёкого юга было описано так здорово и так красочно, что читатели буквально выхватывали из рук номер газеты. А потом посыпались письма в редакцию. Дети и взрослые требовали всё настойчивее, чтобы газета ещё больше писала об удивительной собаке. Много писем шло также в адрес начальника станции Мариттима — с вопросами и просьбами выслать фотографию Лямпо. Ясно, однако, что он не мог всем ответить.

Вскоре на станции появились работники римского телевидения. Они сняли целый короткометражный фильм. Серию передач о собаке-путешественнице начало и радио. Один из композиторов сочинил изящную песенку и записал её на пластинку. Через месяц Италия распевала эту песенку, мелодия которой полюбилась всем. Она была очень весёлой, а в припеве раздавался собачий лай.

Как-то вечером перед домом начальника станции в Пиомбино затормозил элегантный чёрный лимузин. Из него вышел незнакомый господин.

— Я американский кинематографист, — представился он. — Хочу купить эту собаку.

— Но она не продаётся, — возразил начальник.

— Даю пятьдесят долларов, — улыбнулся заморский господин.

— Я не расстанусь с Лямпо, — пожал плечами железнодорожник.

— Сто долларов.

— Нет!

— Пятьсот! — воскликнул американец. Он вынул портфель. Но хозяин Лямпо отрицательно покачал головой.

— Плохо делаете, — пробурчал американец. — И прежде всего — для самой собаки, которой у меня повезло бы больше. Вы обкрадываете себя и свою семью...

— Я не могу расстаться с Лямпо, — решительно заявил начальник станции.

Американец молча сел в свой лимузин и захлопнул дверцу.

15.

Шеф из дирекции железной дороги, который вызвал к себе начальника станции Мариттима, был в плохом настроении. Он ходил по кабинету взад и вперед и сердито хмурился. Когда начальник станции вошёл, грозное молчание шефа было ответом на его приветствие.

— Вы догадываетесь, о чём пойдет речь? — наконец спросил шеф.

Начальник станции побледнел.

— Да, — тихо ответил он.

— Нужно с этим кончать! — взорвался шеф. — Железная дорога, уважаемые господа, — это не цирк и не зоопарк. Вокза-

лы не являются и не могут быть приютами для животных.

Начальник станции молчал.

— Я видел недавно фотографию этой собаки, — ворчал шеф. — Какой-то остряк сфотографировал её в форменной железнодорожной фуражке и с трубкой в зубах. Не кажется ли вам, что это оскорбляет честь нашего мундира?

— Так, — согласился начальник станции. — Однако я не давал указаний делать такой снимок...

— «Лямпо у семафора», «Лямпо на службе», «Лямпо в вагоне-ресторане», — начал перечислять шеф. — Уверен, что не вы делали эти фотографии... Но вы же несёте ответственность за всё, что происходит на нашем вокзале!.. Так или не так?

— Так, синьор начальник.

— Я мог бы привлечь вас к ответственности, — ворчливо продолжал шеф. — Однако не сделаю этого... Короче говоря, вы должны убрать собаку со станции... Всё! До свидания.

Выйдя из кабинета шефа, начальник станции достал носовой платок и вытер пот со лба. Направляясь к вокзалу, он был так задумчив, что непрерывно задевал всех встречающих пешеходов.

Ни на кого не глядя, он сел в поезд. У него было много времени на раздумья, — путь до Маритимы не такой уж близкий.

«Держать собаку дома? Нет, это невозможно. Посажённый на цепь, Лямпо чувствовал бы себя слишком несчастным. Он не пережил бы такой неволи...»

«Продать? — Начальник станции понурил голову. — Нет! Друзей не продают!»

Единственно, что можно было сделать, — это отправить собаку куда-нибудь очень далеко и обеспечить ей на новом месте жительства заботливую опеку... Начальник станции вспоминал, знает ли он такого человека, которому можно было бы доверить Лямпо. Долго думал. И наконец вспомнил про своего почтенного старого дядюшку, который живёт на Сицилии, в Палермо...

«Да, это единственный выход из положения», — решил железнодорожник. Дядя уже много лет был одинок, любил животных и владел большим прекрасным садом. А Сицилия, как известно, остров...

«Лямпо вынужден будет остаться там. Оттуда ему уже не вернуться...»

16.

Ответное письмо из Палермо пришло через несколько дней. Старый садовод охотно соглашался с предложением племянника.

«Думаю, что сумею подружиться с твоим Лямпо, — писал он. — Мне нужна умная собака. Если не можешь привезти её лично, то постарайся посадить её в Неаполе на корабль «Ля бандьера». На нём плавает мой добрый знакомый, который обещал

пригласить за Лямпо до самого Палермо. Можешь быть спокоен: всё пройдёт хорошо...»

Через два дня начальник сам отвёз собаку в Неаполь. Ему повезло. Корабль, отплывавший на Сицилию, стоял как раз в порту. Железнодорожник разыскал нужного ему моряка.

Раздался звук сирены, звавший всех пассажиров на корабль. Мужчины встали, подошли к трапу. Моряк взял Лямпо под мышку и поднялся с ним на палубу.

— Лямпо! — прошептал начальник станции. И сильно закусил губы.

Собака стояла на палубе и смотрела в воду, словно намереваясь прыгнуть в неё. Расстояние между пароходом и набережной всё увеличивалось. Моряк перегнулся через перила и взмахнул рукой. Начальник станции даже не ответил на его прощальное приветствие. Он повернулся и быстро вышел из порта.

17.

Прошёл месяц. Никто из работников станции Маритима ещё не знал о тайне своего начальника, о новой судьбе Лямпо. Люди считали, что он должен появиться со дня на день.

— Вернётся, обязательно вернётся, — утешали они друг друга. — Только гляди, как выскочит из вагона.

И они внимательно присматривались к каждому поезду, который проезжал через станцию. Начальник один раз и самого себя поймал на том, что тоже пристально всматривается в вагонные двери. Он уже не мог избавиться от этой привычки...

Дети в Пиомбино были очень грустные. Может быть, они о чём-нибудь догадывались? Они мало говорили с отцом о Лямпо, однако в глазах каждого из них застыл немой вопрос, требовавший ответа. Отец не мог выдержать их взглядов. Однажды он набрался мужества и рассказал им всю правду.

— Не печальтесь, — сказал он, прижимая к себе по очереди всех троих ребят. — Лямпо, наверно, счастлив там. Он попал в добрые руки.

Как раз в тот самый вечер пришло долгожданное письмо из Сицилии. Старый садовод сообщал, что собака благополучно доехала до Палермо.

«Умная бестия, — писал он. — Много радости доставляет она мне. Однако очень тоскует по вам. Сперва ничего не хотела есть. Но теперь передумала и жрёт. Хороший она сторож и друг. Только временами находят на неё причуды. Тогда она убегает из дому и путешествует. Уже два раза была в Патти, а недавно заехала аж в Мессину. Пронюхивает, наверно, как бы добраться до вас. Да только через море не перескочишь... Можете быть совершенно спокойны за собаку: ей у меня хорошо».

Начальник станции прочитал письмо ребятам. Оно ничуть не успокоило их. Наоборот, даже огорчило их ещё больше.

— Видишь? — сказал маленький Роберт. — Он хочет вернуться к нам.

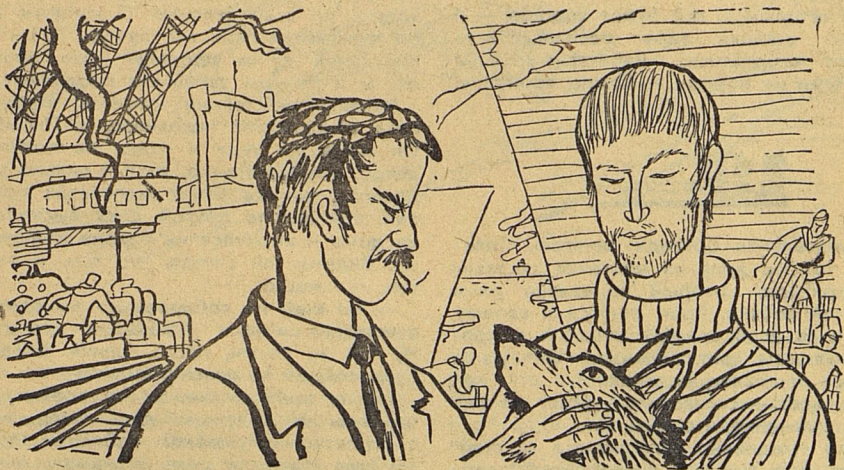
Теперь дети целыми днями сидели на берегу и смотрели на море, которое разделило их с другом. Как далеко было от Пиомбино до этой самой Сицилии, спрятавшейся где-то за горизонтом!..

рик. — Бедняга так отошала, что жаль на неё смотреть было. Но всё же не верю я, что ей удалось вырваться с острова. Уверен, что она скоро снова вернётся ко мне...»

— Посмотрим, — усмехнулся начальник станции, пряча письмо.

Он поделился новостью с товарищами по работе. Те покачивали головами.

— Ничего нет в этом удивительного, —

18.

Железнодорожник, который приехал из далёкого Реджио, не давал сбить себя с толку. Он упрямо твердил одно и то же.

— Значит, вы видели его на той станции? — допытывался начальник.

— Вот так же, как вас вижу. Неужели не узнал бы? Я сразу окликнул его из окна. Он опознал меня, потому что пустился бежать за поездом. Да только я-то не мог выскочить на ходу...

— И вы вернулись в Реджио?

— Следующим поездом. Но прошло два-три часа, и на станции я уже не застал собаку. Железнодорожники говорили, что вроде бы она села в скорый...

— Кто знает, куда пёс заехал, — проворчал начальник станции. — Во всяком случае, ясно одно: ему удалось в конце концов бежать из Сицилии. Каким образом он это сделал? Ну и ловкач!

Он рассмеялся, первый раз за многие месяцы почувствовав облегчение. Да, он гордился Лямпо. Знал, что ждут его новые хлопоты, но не мог в эту минуту огорчаться.

На другой день, чтобы проверить полученные вести, начальник станции послал на Сицилию письмо, в котором спрашивал о Лямпо. Старый садовод подтвердил, что собака действительно пропала неделю назад и больше не появлялась. «Что с ней творилось, не знаю, — сокрушался ста-

сказал один из них. — Разве наш Лямпо не сумеет выкрутиться из любого самого трудного положения?

И начали вспоминать о всех дальних путешествиях своего любимца.

Время шло. Люди, работавшие на станции, испытывали некоторое напряжение. Любой день мог принести им неожиданность... Правда, все верили в лучшее, и только буфетчик, как всегда, сомневался в благополучном возвращении Лямпо.

— Привязали его где-нибудь на цепь. Или сдох с голоду, горемыка, — ворчал он, торгуя сардельками и пивом. — Вот увидите, добром всё это не кончится.

— А ты бы не каркал, — сердились железнодорожники. — Ворон выискался!

Хотя они пренебрегали его мрачными предсказаниями, однако начинали всё более и более тревожиться. Слишком уж долго длилось это ожидание...

Минуло ещё несколько недель. Теперь на каждое упоминание о собаке буфетчик отвечал гробовым молчанием и лишь сокрушённо качал головой. Понёмногу прекратились разговоры о Лямпо. Никто больше не всматривался в проезжавшие поезда. Все были измучены ожиданием...

Была поздняя осень, когда в дверь кабинета начальника станции постучал один из железнодорожников. Он стоял на пороге, как бы раздумывая, идти дальше или нет. И вот нажал на дверную ручку.

Начальник станции взглянул на свёрток, который держал в руках железнодорожник, и побледнел. Он понял всё.

— Жив? — спросил.

— Жив. Только еле дышит. — И кондуктор осторожно положил сверток.

— Подали мне его из скорого, — сказал он и опустил глаза. — Едва держался на ногах, однако всё же сам вылез. Упорный пёс. Гордый.

Начальник станции развернул тряпку, в которую была завернута собака, и взглянул на друга. Словно сквозь туман, осматривал он его раны. Лямпо поднял голову. Попытался встать.

— Не огорчайся, всё будет хорошо. — И начальник станции вдруг расплакался. — Не надо огорчаться... Ребята! — крикнул он, выбегая на перрон. — Лямпо вернулся!

19.

Вся вокзальная бригада занялась больным. В тот же день из местечка доставили ветеринара, который перевязал раны несчастной собаке. Врач отнёсся к своему пациенту со всей внимательностью и профессиональным энтузиазмом. Он даже отказался от вознаграждения.

— Выживет! — сказал он. — Могу голову дать на отсечение, что выживет.

Доктор ежедневно наведывался на станцию. Это был толстый; краснолицый человек с очень добрым взглядом. У него, как говорится, была счастливая рука. И это подтвердилось ещё раз. К Лямпо начали постепенно возвращаться силы. Длительное время он лежал в корзине, которая была поставлена в углу кабинета начальника станции, и только взглядом следил за своим хозяином. Сначала Лямпо почти ничего не ел, хотя железнодорожники приносили ему всевозможные лакомства. Лишь через несколько дней он выпил целую миску молока. И попытался встать на ноги.

— Лежи, лежи, — увещевал его хозяин, который пользовался каждой свободной минутой, чтобы приглядеть за своим маленьким другом. Он гладил Лямпо по голове и играл его ушами.

— Как только немного окрепнешь, — говорил ему начальник станции, — заберу тебя в Пиомбино. К детям. Хорошо? А то здесь я не могу тебя держать...

В один из дней позвонили из дирекции железной дороги. Начальник станции снял трубку.

— Мне стало известно, — услышал он знакомый голос строгого шефа, — о возвращении собаки. Поздравляю.

— Спасибо, — пробурчал начальник. Он не знал, что ответить.

— Я рад, — продолжал тем временем шеф. — В самом деле рад. А теперь прошу выслушать наши указания и выполнить их со всей точностью. Итак, вы должны... — Слушаюсь, — едва выдавил из себя начальник станции. Он почувствовал на сердце холод.

— Вы должны принять все меры к тому,

чтобы этот бродяга выздоровел. Ясно? Таково наше пожелание.

— Слушаюсь, синьор начальник! — крикнул в трубку мариттимский железнодорожник. Ему хотелось плясать от радости.

— Оба вы заслужили особую симпатию и право на снисхождение, — звучал в трубке голос шефа. — Можете оставить у себя собаку навсегда. Трудно бороться с большой любовью, — рассмеялся он и повесил трубку.

Через несколько недель Лямпо начал ходить по всей станции. С каждым днём он чувствовал себя всё лучше. Только по-серьёзнее и не проявлял уже прежней охоты к разным забавным проделкам.

Начальнику станции хотелось, чтобы собака напостоянно поселилась в Пиомбино. Он отвёз её туда и отдал на попечение детей. Однако Лямпо, хотя и сильно обрадовался, увидев своих маленьких приятелей, всё же на другой день выскользнул из дома и вернулся на поезде в Мариттиму. Видимо, он считал, что там, и только там, его место.

— Ты ещё не собираешься выходить на пенсию? — смеялся начальник станции. — Ну что ж, служи, пёска, служи. Когда-нибудь пойдём на пенсию вместе.

Ребята так соскучились по своему другу, что чуть ли не каждый день посещали его в отцовском служебном кабинете. Однажды туда приехала даже их мама с маленькой Аделе. Девчушка уже бегала вовсю, как козочка. Она сразу заставила баловаться ставшего таким степенным Лямпо.

В тот же день на станцию приехал корреспондент крупнейшей римской ежедневной газеты. Когда он вошёл в кабинет начальника станции и сказал, что ему надо, тот насторожился.

— Мы больше не даём никаких интервью. Вы нас извините, но...

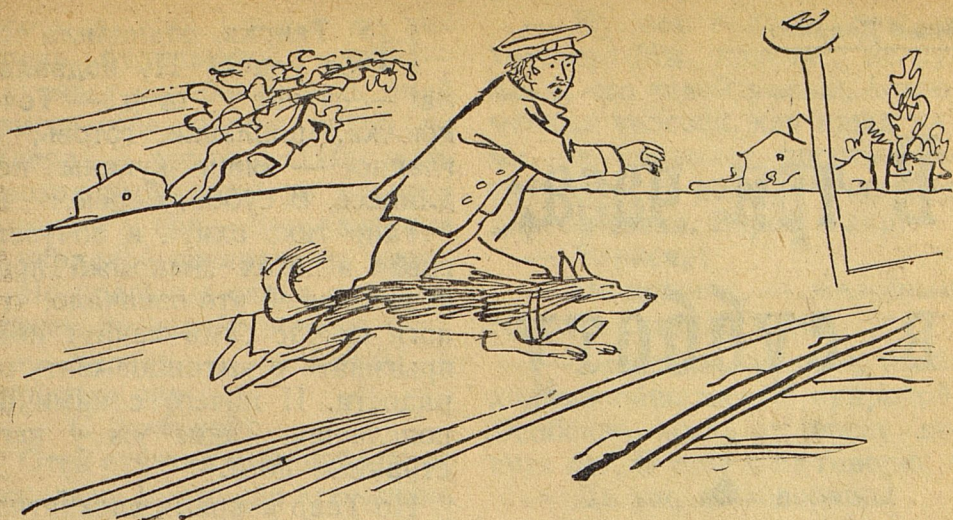
Журналист продолжал настаивать, чтобы ему рассказали о последнем большом путешествии Лямпо, однако начальник был неумолим. Разочарованный корреспондент побрёл в буфет. Видимо, он рассчитывал на то, что за бокалом вина ему удастся узнать что-нибудь от других железнодорожников. По пути корреспонденту попались дети начальника станции, которые играли на перроне.

— Могу ли я пригласить моих маленьких друзей съездить по пирожному? — с улыбкой спросил он.

Приближалось время прихода полуденного экспресса. Уже слышен был шум мчащегося поезда. Обычно начальник станции не встречал его. Тут же он вдруг сорвался со своего места, ведомый каким-то предчувствием, и вышел на перрон.

Станция была пустыня, словно бы кто вывел всех пассажиров. Из своего помещения как раз выходил заместитель начальника станции, который всегда встречал этот экспресс. Мужчины посмотрели вперёд и вскрикнули.

На рельсах третьего пути, всего в нескольких десятках метров от мчащегося

прямо на неё поезда, играла маленькая Аделе.

Оба мужчины бросились в её сторону, перепрыгивая через рельсы. Их ещё отделяло от девочки немалое расстояние, когда их обогнал Лямпо. Оттолкнувшись от земли, как резиновый мяч, он сделал огромный прыжок перед самым носом локомотива. Пёс успел столкнуть Аделе в сторону...

Поезд с лязгом проехал ещё несколько десятков метров и остановился.

— Аделе! — крикнул отец. Вместе со своим заместителем он перебежал на другую сторону пути. Девочка отряхивала своё платье от песка.

— Аделе!

Она посмотрела на отца и улыбнулась. Прибежал машинист. Из окон высунулось несколько любопытных пассажиров.

Отец взял спасённую от смерти дочку на руки и вернулся на станцию. Он понимал, что скоро ему надо будет пойти за Лямпо, который остался там, под колесами поезда... Он сел и обхватил голову руками.

— Что с тобой, папочка? — удивлённым голосом спросила Аделе.

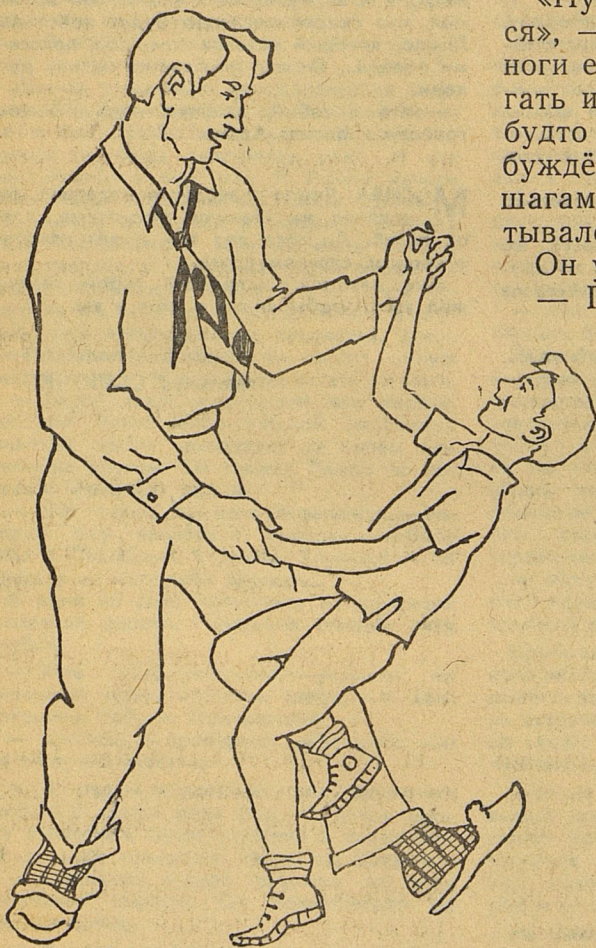
МОГИЛА Лямпо находится недалеко от вокзала на станции Мариттима, где он погиб. До сего дня там живёт память о верном, славном друге.

Мне кажется, маленький герой заслужил того, чтобы знали о нём и вы.

Перевод с польского
Владимира САШОНКО

В три часа, в субботу

Рисунки П. Вискова

Ну, Таирка, подвалила тебе удача! Ну подвалила! — сказал отец. — Точи крючки, поплавки готовь, а главное — вяжи кукуны подлиннее. В субботу едем.

Таир тихо охнул и почувствовал в ногах знакомый приятный зуд. А это означало, что ноги сейчас сами начнут подпрыгивать и вытанцовывать от радости. И ничего с ними не поделаешь. Такие уж у него странные ноги.

Но Таир вовремя спохватился и с опаской поглядел на маму. Мама хмурилась.

«Ну вот... сейчас начнётся», — уныло подумал он, и ноги его тоже приуныли. Прыгать им расхотелось. А отец, будто ничего не замечая, возбуждённо кружил большими шагами по комнате, ловко увертывался от стульев и стола.

Он улыбался, потирал руки:

— Представляешь, завком целый автобус дал! Львовский. Человек пятьдесят поедет. Палатки поставим. Разобьём настоящий лагерь. Эх, и посидим мы с тобой у костра, парень, от души. А потом зорька! Знаешь, как на горном озере солнышко всходит? Тихо-тихо кругом. Только камыши чуть слышно шуршат. А камыши-то отросы голубые. Вдруг вылезит из-за горы румяный бок. И сразу брызнула тишина, как стекло. Весь лес звенит. Птицы

просыпаются. Солнце у них вроде будильника, вышло — начинается рабочий день, знай свисти себе, цокай, кукуй до вечера... А лес-то, лес! Насквозь прозрачный, и озеро курится туманом у ног, — отец вздохнул и украдкой поглядел на маму.

Но красивые слова на маму совсем не подействовали.

— Значит, с ночёвкой? — спросила она.

— С ночёвкой.

Отец ответил этак небрежно, вскользь. Будто они всю жизнь только и делали, что спали у костра.

— А кто вас лечить будет, когда с воспалением лёгких вернётесь? — продолжала мама.

— Ты. Только мы без воспаления вернёмся. Мы закалённые, могучие мужчины. Бродяги мы, скитальцы и поэты, — отец говорил весёлым, бодрым голосом. Только чуточку громче, чем надо.

— Не поедете, — сказала мама, — поскитаетесь в парке. Побродите по бульвару. Можете даже съесть мороженого и представить, что вы белые медведи.

У Таира упало сердце.

«Мороженое... Охота была! Ещё смеётся. Разве женщины что-нибудь понимают? Ну, папа, скажи же ей! Что ж ты молчишь?» — думал он.

— Леночка, — вкрадчиво начал папа, — мы с Таиром, конечно, понимаем, что ты шутишь. Белые медведи! Хе-хе. Очень смешно. Верно, Таирка.

— Хе, хе, — подтвердил Таир загробным голосом.

— Ну, вот видишь, как он хохочет. Мы, конечно, не думаем, что такой умный, современный человек, как наша мама, не понимает простых вещей: свежий воздух — эликсир для человека. Верно, Таир?

— Эликсир!

— Не поедете, — железным голосом сказала мама.

— Леночка, человеку необходимо общаться с природой. Особенно, когда человеку десять лет. О себе я не говорю.

— Да уж, не говоришь!

— Ну говорю. Самую малость. А где нам общаться? В парке? А «По газонам не ходить», а «По деревьям не лазать»?

— По деревьям? — спросила мама. — Вы будете лазать по деревьям и ломаете себе шею? Нет, нет! Не поедете, не поедете!

— Да не будем мы лазать по деревьям!

— Но ты же только что сам сказал.

— Да для примера же сказал. Так просто!

— Я думала, вы на рыбалку едете, а вы по деревьям... Ноги в гипсе... Или руки... Кошмар!

— Ле-ноч-ка, мы едем на ры-бал-ку!

— Рыба на деревьях не водится. Руки... ноги... О!

— Но...

И так далее. Причём Таир не верил, что мама говорит всё это всерьёз, из вредности. В глазах у неё так и прыгали смешинки, а голос был театрально-трагический — совсем не мамин голос. Просто она,

наверное, подшучивала над ними. Это она любила.

Но с другой стороны — всяко могло быть. А вдруг всерьёз? С Володькой-то тогда всерьёз не пустила. Взрослых понимать нелегко. Особенно женщин.

ТЯЖКИЙ разговор происходил в четверг, а в пятницу вечером отец с таинственным видом поманил Таира пальцем и прошептал:

- Никому?
- Никому.
- Тс-с-с!
- Что «тс-с-с»?
- Уговорил?
- Ну?!
- Ага.

Таир почувствовал в ногах тот самый зуд и уже через секунду с гиканьем прыгал по комнате.

Отец схватил его за руки, и они вместе исполнили свой старинный победный танец под названием «Ноги врозь».

Это был замечательный, весёлый танец. В буфете дребезжали стаканы.

Внезапно отец застыл с поднятой ногой. Таир оглянулся. В дверях стояла мама. Она пыталась нахмуриться, но губы не слушались и улыбались.

— Дикари вы, дикари, — сказала она, — пол проломите. Соседи снизу прибегут. Шею вам сейчас наkostenяют.

Таир издал победный клич и повис на маме.

— Не подмазывайся, — сказала мама, — вам только в лесу и жить. В самый раз. Таких глупым дикарям.

— Значит, так, — сказал папа Таиру, — кончаем мы в субботу в два. Пока соберёмся, то да сё — часок набежит. Так что к трём жди. Заедем за тобой. Только чтоб всё было готово, чтоб не копадся. Семье одного не ждут.

В СУББОТУ Таир поднялся вместе с отцом в семь часов. В десять всё было готово.

Рюкзак раздулся, как питон, а мама всё запихивала и запихивала в него разные вещи. Чего только она не засунула! И Таирово пальто, и папин ватник, и плед, и подушку-думку и... Это только нужные вещи, а сколько ненужных!

А уж еды-то, еды!

Но Таир помалкивал. Не перечил. От греха подальше. Пусть. Он сидел себе тихонечко в углу и связывал бечёвкой разобранные удочки.

Мама что-то ворчала недовольным голосом, и, когда всё было готово, Таир решил смыться с глаз долой. На всякий случай. Да и время дома тянулось нестерпимо медленно. Как нарочно. Кажется, час уже прошёл, а глянь на часы — десять минут.

И Таир решил пойти на залив. Время скоротать.

У БЕРЕГА по колено в воде бродили трое незнакомых мальчишек с вилками в руках. Они шарили под валунами. Нащупают голой рукой рыбёху, та забьётся в щель — скользкая, пальцами не за что ухватить. Тогда они её вилкой р-раз! И готово!

Таир и сам не раз пробовал тоже ловить, да что-то плохо у него получалось. То выскользнет рыба, то промажет вилкой. Однажды сам себе палец проткнул. После этого и бросил.

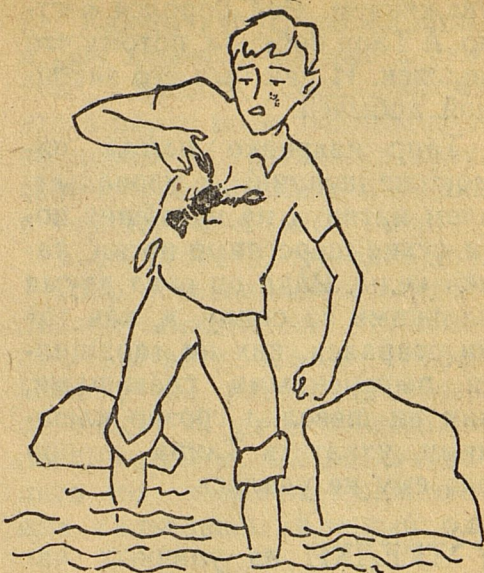
А эти шустрые ребята были, видно, большими специалистами в такой ловле. Они таскали бычков одного за другим. Сомята тоже изредка попадались. У каждого мальчишки болталась через плечо холщовая сумка на длинном ремне, — волочилась по воде. Рыбы было уже прилично — сумки тяжело шлёпали мальчишек по ногам, тугие, мокрые.

Таир тоже не выдержал, раззулся, закатал штаны и полез в воду. Вилки у него не было, и он стал ловить просто руками. Дело было почти безнадежное, и первые три бычка ушли.

Потом подвалила удача. Он исхитрился и вытащил сразу двух.

За жабры пальцем — оп! И на берег. Бычков он подарил одному мальчишке. Тот очень удивился. Просто вытаращил от удивления глаза. И Таиру стало приятно, что он такой щедрый человек. «Жалко, что нет Володьки», — подумал он, и ещё он подумал — как это здорово делать подарки другим людям. Иной раз даже приятней, чем получать самому.

Впереди у Таира была настоящая рыбалка — бредешком, со спиннингом, с донкой. И настоящая рыба — лещ, щука, окунь. И душистая уха с пылу с жару.

Маленьких головастых бычков, грозно раздувающих жабры, за добычу он не считал. Но ловить всё равно было интересно.

Таир увлёкся.

Большущий рак ухватил его за палец, растопырился меж камней, упёрся шершавой раскорякой. Но Таир, закусив от боли губу, не бросил его, не отказался от борьбы с клешнятым. Он выволок его на берег. При помощи щепки с трудом разжал рачью бугристую хваталку, отнял измятый, посиневший палец. Было больно. Таир потёр палец и почувствовал себя ловким и сильным.

И это было замечательно — так чувствовать. Не всякий вытерпит, если прищемить его за живое мясо, — завопит. А он не завопил. И теперь любовался вконец разъярённой своей добычей.

Рака он отдавать не стал. Не то чтобы пожалел, нет, просто Таир относился к нему с

уважением. Рак боролся честно. А Таир победил, потому что человек. И рак был его законной добычей.

Таир накрепко выжал намокшие штанины, с удовольствием натянул на иззябшие ноги сухие шерстяные носки, надел кеды. Рака он взял двумя пальцами за спину, и, как тот ни старался, как ни таращился выпученными глазами, как ни шевелил грозно клешнями, ухватить Таира второй раз ему не удалось.

СТРЕЛКИ на уличных часах показывали половину второго, и потому Таир не торопился. Он зашёл в спортивный магазин и долго с наслаждением перебирал разные замечательные вещи — спиннинговые катушки, подсачники, мормышки. У этого прилавка он мог стоять часами — такое всё было блестящее, тревожное, желанное. Народу в магазине толкалось много, и всё сплошь рыболовы. Таиров рак вызвал весёлый переполох — все его трогали, гладили, хвалили. Таир оттопырил помятый палец, чтобы видней было, и молча гордился — пальцем и раком.

И все вокруг были совсем свои люди, будто старые знакомые или даже друзья. У них тоже впереди были замечательные приключения и ночь у костра, зорька и трепетное ожидание поклёвки. Поэтому все были весёлые и возбуждённые. Тут же рассказали пару рачьих историй. Как все рыбацкие истории, они были не-

множко невероятные, но от этого вдвойне интересней. И знаешь, что выдумки, и всё же где-то в глубине души надеешься — а вдруг нет?! А раз так, то и с тобой может случиться невероятное, и потому, хоть все вокруг и улыбаются чуть насмешливо, но слушают в оба уха.

И тут уж всё едино — десять тебе лет или шестьдесят.

Домой Таир пришёл в начале третьего. Он вошёл в комнату и тихо засмеялся — просто так. Совсем счастливый человек, у которого впереди два дня тревожной и прекрасной жизни.

И тогда мама сказала, что отец приезжал в час дня, их отпустили с работы пораньше. Ещё она сказала, что отец искал Таира и ждал целых полчаса. Но потом ждать стало нельзя, потому что из автобуса заорали и заторопили. И он уехал. И всё высовывался из окошка, всё глядел на дорогу.

— С расстроенным лицом, — укоризненно добавила мама.

Сперва Таир просто ничего не понял. Он всё ещё машинально, по инерции улыбался. Но потом эти ужасные слова дошли до него и ошеломили и оглушили.

Он застыл в неловкой, неестественной позе, и улыбка, позабытая на лице, казалась странной и жутковатой, потому что в глазах его плескалась обида, и недоумение, и боль.

Мама испугалась. Она захлопотала вокруг него и быст-

ро- быстро стала говорить нежные, жалостные слова.

Таир отвернулся. Тогда мамин тон чуть изменился. Она говорила, что это такие пустяки, даже сказать кому смешно: на рыбалку не взяли — фи! Стоит обижаться!

Да у него сто рыбалок в жизни будет или тыща! И нечего убиваться, а лучше сходить в кино на замечательную картину «Полосатый рейс». Пусть дураки спят в холодном сыром лесу, когда дома есть кровать с белой простынёй и подушкой.

Она говорила много ещё чего, но Таир уже не слышал. Слова проходили сквозь него, как сквозь дым. Или, лучше сказать, обтекали его без поддержки, потому что весь он до краёв был заполнен одной мыслью: «Как он мог!» Она билась в нём, рвалась наружу, эта мысль: «Как он мог уехать один!»

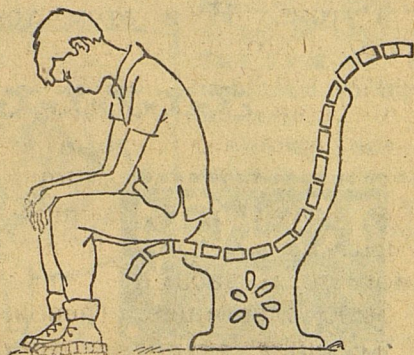
Ему хотелось закричать. Таир почувствовал, что сейчас вот, сию минуту закричит. Он сцепил изо всех сил зубы, так что заломило скулы, и выбежал вон.

Позади что-то кричала мама, и голос её снова был совсем другой — тревожный, как у ночной птицы. Таир бежал не разбирая дороги, наталкивался на прохожих, и они тоже что-то кричали, наверное ругались. Оглядываясь, Таир видел напряжённые, открытые рты и сердитые глаза, но слов не слышал. А слышал одну только свою неотвязную мысль: «Как же он мог!»

Очнулся Таир только в парке. Как-то вдруг, неожиданно в уши хлынули разные звуки: говор, музыка, смех, потому что в парке было полным-полно народу и кружились карусели и чёртово колесо и бегали в упряжке печальные пони.

Была суббота, три часа дня.

Таир остановился и с удивлением оглядел всю эту весёлую пестроту. Почему парк? Почему все радуются? Зачем он здесь? В шаге от него на лодке-качелях лихо раскачивались два совершенно одинаковых мальчишки. Каждый од-

ной рукой цеплялся за перекладину, в другой держал эскимо на палочке. Они одновременно облизывали мороженое. Им было вкусно и весело. Каждый улыбался во весь измазанный молоком рот.

Всё это остановилось перед Таиром, как в рамке, и увиделось так чётко, до таких малых подробностей, будто он глядел в бинокль. У одного мальчишки на конопатом носу блестели крупные капли пота и ноготь на левом пальце был чёрный — прищемил, наверное, или стукнул молотком.

Таир сел на скамейку и заплакал. Мальчишки увидели это, удивились, а потом стали хихикать. Но Таиру было всё равно, что хихикают. Ему было не стыдно, а наплевать. Потому что в его жизни случилось что-то очень плохое. Такого никогда ещё с ним не случилось, и было непонятно, как жить дальше. Он уже почти спокойно подумал, что дело совсем не в рыбалке.

Ну не половит он один раз рыбу. Ну не посидит у живого трескучего костра и не будет ночевать в палатке. Стоит ли плакать? Разве в этом дело? «И в этом... И в этом то-

же...» — подумал он. И не сумел сразу перестать плакать. Потому что случилось предательство.

Таир встал и пошёл, куда глядели его глаза. Он шёл и думал, что теперь жизнь будет гораздо труднее. И вот что удивительно: сейчас он больше жалел отца, чем себя. Потому что отец, наверное, не понимал, что случилось предательство. Иначе не уехал бы. Но от этого ничего не менялось, а только запутывалось ещё больше.

Потому что предательство всё равно случилось.

РЕВМАТИЗМ

У дверей школы стоит мальчик и плачет горькими слезами.

Подходит прохожий и спрашивает его:

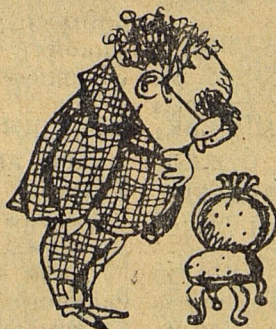
— Ты чего плачешь?

— Из-за этого проклятого ревматизма.

— Бедный ребёнок! В таком возрасте у тебя уже ревматизм?

— Не у меня. Это я в диктовке вместо буквы «е» поставил «и».

НАБЛЮДАТЕЛЬНОСТЬ

Маленький мальчик говорит в автобусе отцу:

— Этот мужчина, наверно, учитель.

— Почему ты так думаешь?

— Потому что он, прежде чем сесть, внимательно осмотрел кресло.

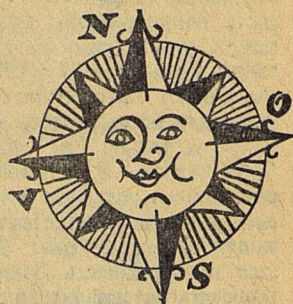
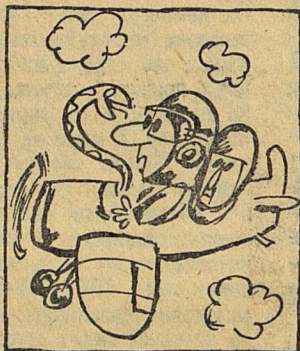
Перевод с польского
Ю. БРЖЕЖИНСКОГО

ЗМЕЯ В САМОЛЁТЕ

Главный инструктор лётного клуба И. Сингх поднялся в воздух с аэродрома в Лакнау (Индия) на двухместном тренировочном самолёте с пассажиром на борту. Неожиданно он почувствовал чьё-то холодное прикосновение к кисти правой руки, державшей рычаг управления. Сингх слегка повернул голову, и... у него перехватило дыхание. Скользя по руке, медленно раскручивалась змея. Усилием воли Сингх заставил себя замереть, затем осторожно снял с рычага управления левую руку и вытащил из-под себя

подушку. Это была единственная защита от опасного «попутчика».

Выбрав момент, Сингх прижал подушкой змею к панели и перешёл на управление самолётом с помощью ножных педалей. Он решил вернуться в Лакнау. Одна-

ко змее удалось освободиться из-под подушки. Перепуганный пассажир замер от страха и был глух ко всем просьбам пилота о помощи.

Сингху всё же удалось посадить самолёт на аэродроме в Лакнау и благополучно выбраться из кабины. Подбежавшие техники убили ядовитую змею.

«ЛАСТОЧКИНО ГНЕЗДО»

Многие, посетившие крымское побережье Чёрного моря, знают любопытный и уникальный памятник архитектуры «Ласточкино гнездо». На 50-метровой отвесной скале Ай-Тодорского мыса высятся подобие средневекового замка.

Деревянный домик на скале появился ещё в прошлом веке. Он принадлежал генера-

лу—участнику русско-турецкой войны, приехавшему в Крым лечиться после ранений. Впоследствии дом неоднократно переходил от одного владельца к другому, и в 1912 году на скале вместо деревянного был возведён каменный замок. После революции здесь находился один из уголков отдыха санатория «Жемчужина».

В 1927 году во

время землетрясения из-под нижнего балкона замка скатывался кусок скалы и в стенах образовались трещины. Здание опустело.

Приняты меры к его восстановлению. Строители разберут его, уложат в основание железобетонные плиты и вновь сложат замок таким, каким он был прежде. В этом уникальном сооружении разместится филиал Ялтинского краеведческого музея.

ЗНАЕШЬ ЛИ ТЫ, ЧТО...

...за 12 лет в метро нашего города перевезено 2017 миллионов пассажиров? О росте популярности метро можно судить хотя бы по таким данным: за весь 1957 год поезда метрополитена перевезли 66 миллионов человек, а только за март 1967 года — 31,3 миллиона. Сейчас услугами метро ежедневно пользуется около миллиона пассажиров. Общая протяжённость Ленинградского метрополитена достигла 35 километров.

...учёными нашего города создан прибор, позволяющий определить, сколько соли находится в морской воде? Точность электронного соломера — до одной сотой доли грамма на литр воды. От насыщенности морской воды солью зависит погода в определённых широтах, состояние мирового океана, поэтому этот вопрос очень интересует рыбаков, гидрографов, ихтиологов, океанографов, метеорологов.

...в румынском городе Орада создан яичный музей? Его сотрудникам пришлось побывать в 75 странах и заглянуть в 3000 гнёзд. Собраны яйца 750 видов птиц. Самый маленький экспонат — яйцо синицы — имеет в длину 13,1 миллиметра, самый большой — 152-миллиметровое яйцо страуса.

...орган называют «царём» музыкальных инструментов? Он как будто вообрал в себя целый оркестр. Их немного, этих удивительных инструментов. В нашем же городе их три. Двух органов, одинаковых по размеру и по звуковым качествам, в мире не существует. Орган состоит из большого числа трубок; их в инструменте несколько тысяч; например, в органе, установленном в консерватории, их 4908. Тысячи проводов соединяют стол, за которым сидит органист, с этими трубами. Раздуваются огромные мехи, наполняя трубы воздухом. Сейчас в Ленинградской консерватории установлен новый, самый большой в городе орган. Чтобы доставить его из Чехословакии, понадобилось пять железнодорожных вагонов.

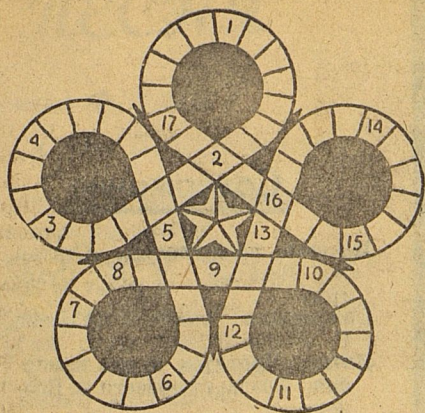
...близ города Таш-Нумура (Киргизия) найден скелет древнего позвоночного — динозавра, обитавшего около 150 миллионов лет назад, в позднемюрскую эпоху? Найденный динозавр — гигант: длина его тела составляет 18—20 метров. Уникальный трофей доставлен в Москву, в Палеонтологический институт Академии наук СССР.

...шестнадцатилетний подмастерье из Веймута — Филип Галлоп — стал национальным героем Англии? Он за четырнадцать с половиной часов переплыл Ла-Манш, стартовав в Кале и финишировав в Дувре. Галлоп — самый молодой из тех, кто совершал этот водный марафон. Заплыв осложнился непроглядным туманом. Несмотря на это, пловец лишь незначительно отклонился от курса. Как выяснилось, Филип до двенадцати лет вообще не умел плавать.

...изящная композиция шахматного этюда уместилась на клеточках доски, размер которой... 1 квадратный миллиметр? Даже через лупу миниатюрные шахматные фигурки выглядят едва различимыми точками. Такое микроскопическое шахматное поле сумел сделать бакинский зубной техник Акрем Гаджиев.

...с помощью химических веществ можно вырабатывать у растений невосприимчивость к тем или иным болезням? Препараты, разработанные учёными, предохраняют от болезней самые различные виды растений: ячмень, пшеницу, кукурузу, рис, картофель, хлопчатник.

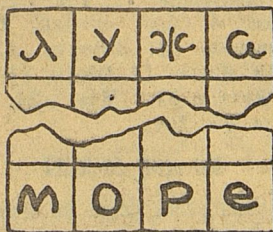

1. Канцелярская принадлежность.
2. Лакомство.
3. Приятель, надёжный товарищ.
4. Лесная ягода.
5. Рыба, способная выходить на берег и передвигаться «посуху».
6. Планета солнечной системы.
7. Произведение Н. В. Гоголя.
8. Зимний спортивный инвентарь.
9. Забава, развлечение.
10. Перерыв в концерте, театральном представлении.
11. Кондитерское изделие.
12. Верхняя одежда у древних римлян.
13. Военное звание в военно-морских силах.
14. Чертёжная принадлежность — фасонная линейка.
15. Произведение Э. Войнич.
16. Оглобля.
17. Недогоревшая свеча.

ПРЕВРАЩЕНИЕ

Составила Светлана КОРОЛЁВА

Превратите... лужу в море!

Измените в слове «лужа» какую-то букву, но так, чтобы получилось другое слово. Напишите его пониже.

В этом втором слове опять измените только одну букву, и снова так, чтобы получилось какое-то слово...

Так, переходя от одного слова к другому, доберитесь до «моря».

Чем короче будет цепочка слов, тем лучше.

РИСУНОЧНОЕ ПИСЬМО

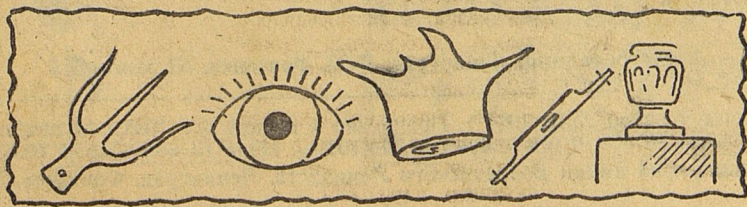
Составила Люда СКРЕБЦОВА

Наши постоянные читатели помнят, наверное, что рисуночным письмом мы условились называть особые ребусы — такие, в которых рисунки передают только согласные буквы «зашифрованной» фразы?..

Чтобы разгадать это рисуночное письмо, нужно выписать согласные буквы названий нарисован-

ных предметов, а затем подумать, какие гласные буквы нужно между ними вписать, чтобы прочесть название литературного произведения.

В отличие от обычных ребусов, рисуночное письмо можно составить из одних рисунков, не прибегая к буквам, запятым и другим вспомогательным знакам.

Проверь себя

Ответы к «Искорке» № 2 и 3

КРОССВОРД

По горизонтали. 1. Туш. 5. Дог.
7. Алгебра. 8. Мир. 10. Рид. 12. Тав-
ро. 15. Утро. 16. Баул. 17. Позёр.
18. Юрта. 19. Угра. 20. Збруч.
23. Мяч. 25. Ода. 27. Абрикос.
28. Лес. 29. Акт.

По вертикали. 1. Том. 2. Шар.
3. Игла. 4. Сбор. 5. Дар. 6. Год.
9. История. 11. Изумруд. 12. То-
паз. 13. Визир. 14. Обруч. 21. Бард.
22. Утка. 23. Мол. 24. Час.
25. Оса. 26. Аут.

ПО ДВЕ БУКВЫ

Из окна всего света не оглянешь.

РЕБУС

Смелость города берёт.

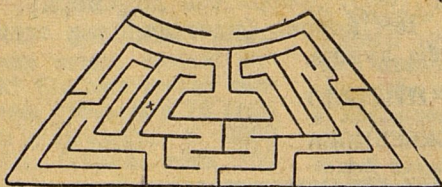
АНАГРАММЫ

1. Росток. 2. Гродно. 3. Дублин.
4. Воркута. 5. Стамбул.

ХИТРЫЙ РЕБУС

«Налим».

ЛАБИРИНТ

Решение смотрите на рисунке —
укромная аллея отмечена крестиком.

Содержание

Первые коммунисты. Статья А. Видгопа и Я. Сухо- тина	1
Солдатская книжка. Сказка Г. Гоппе	6
Витька Грохотов и его компа- ния. Главы из повести В. Коз- лова	11
Были бабушки пионерками... Очерк А. Меньшова	19
Стихи о границе. Борис Копаль- цыгин	21
Север. Стихотворение Л. Шкавро	26
Подснежники. Продолжение повести А. Власова и А. Млодика	27
Сегодня. Ветер. В поезде. Кактус. Возле моря. Ма- мина пенсия. Стихи Норы Яворской	42
Лямпю. Окончание повести Ро- мана Писарского	45
В три часа, в субботу. Рас- сказ Ильи Дворкина	54
Юмор наших друзей	60
Пёстрые заметки	61
Клуб смекалистых ребят	63
На 1-й странице обложки рису- нок художника Г. Ясинского «Встань пораньше, встань порань- ше, встань пораньше...»	
На 2-й странице обложки плакат художника Ф. Нелюбина, стихи Д. Толмачёва («Боевой каран- даш»).	
На 4-й странице обложки рису- нок художника Ю. Бочкарёва «Весна прилетела».	

Редактор

В. Л. БИАНКИ

Адрес редакции: Ленинград, Д-23. Фонтанка, 59, комн. 115

Сдано в набор 25/III 1968 г. Подписано к печати 6/V 1968 г. 4 печ. л.
М-31627 Заказ № 596. Формат бумаги 70×108¹/₁₆. Цена 10 коп. Тираж 69 200 экз.
Типография имени Володарского Лениздата, Ленинград, Фонтанка, 57

МАЙСКАЯ ПЕСНЯ

Музыка Ф. Брука

Слова В. Торопыгина

На площади просторной —
ровесников семья.
Зовут к параду горны —
Идём и ты и я.
Кругом одни ребята,
кругом одна сирень —
Он в галстук крылатом,
весенний этот день.

Мы знаем: гибли деды
от жаркого свинца,
сражаясь за победу
у Зимнего дворца,
чтоб был сейчас над нами
прозрачный небосвод,
чтоб поднял в небо знамя
наш пионерский слёт.

Колышет знамя ветер
Октябрьской поры,
и за него в ответе
отряды детворы.
И ветром тем овевя
любой из нас сейчас.
И гордо смотрит Ленин
со знамени на нас.

В темпе марша

На площади просторной ра.

весников семья. Зо. вут к параду гор-ны-и-и.

дём и ты и я. Кругом одни ребя-та, круг.

гом одна сирень. Он в галстук крылатом, ве-

р стес. Хор.

сенний этот день. Ла-ля-ля-ля,

ля-ля-ля-ля. Он в галстук крылатом, ве-

сенний этот день. // знамени на нас. И

гордо смотрит Ленин со знамени на нас!

